

П Р А В О

№ 29.

1911 Г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫИ СКЛАДЪ

„ПРАВЪ“

С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, д. № 19. Телефонъ 41—61.

Комиссіонеръ Государственной типографіи.

Сенаторъ К. П. Змирловъ.

ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

(Изд. 1906 г.) и обнародованныя по Мартъ 1911 г. въ измѣненіе, дополненіе и развитіе его узаконенія и правила, съ законодательными мотивами, на которыхъ основанъ Уставъ, разъясненіями Пр. Сената, замѣчаніями составителя и алф. предметнымъ указателемъ.

Изд. 3-е, переработанное и дополненное.

СПБ. 1911 г. Стр. XLIV+1082. Цѣна 6 р. 50 к. (въ перепл.).

Прис. Пов. Я. А. Канторовичъ.

ЗАКОНЫ О СОСТОЯНІЯХЪ.

(Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г. по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.), съ разъясненіями, извлеченными изъ кодификаціонной объяснительной записки къ законамъ о состояніяхъ, изд. 1899 г.,—опредѣленій 1-го, 2-го Д-та и Д-та Герольдіи Пр. Сената,—рѣшеній Кассац. Д-товъ и Общихъ Собраній Пр. Сената,—циркуляровъ и распоряженій министерствъ,—указовъ и циркуляровъ Святѣйшаго Синода,—съ приложеніемъ алф. предметнаго указателя.

Изданіе 2-ое, значительно дополненное.

СПб 1909 г. Стр. XII+1024. Цѣна 5 р. 50 к., въ перепл. 6 р.

ЕГО ЖЕ: Авторское право на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія. Законъ 20 марта 1911 г., съ разъясненіями и алф. предм. указателемъ. СПБ. 1911 г. Стр. 424. Цѣна 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Асосковъ, К. Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному и матеріальному праву. Изд. 3-е, пересм. и дополн. 1911 г. Ц. 3 руб.

Войтинскій, І. С. Коллективныя соглашенія объ условіяхъ труда (тарифный рабочій договоръ), какъ проблема законодательства. 1911 г. Ц. 30 к.

Гессенъ, В. М. Исключительное положеніе. 1908 г. Ц. 2 р.
Подданство, его установленіе и утрата. т. 1. 1908 г. Ц. 3 р.

Дернбургъ, Г. Пандекты. Обязательственное право. 1911 г. Ц. 2 руб., Семейственное и наследственное право. 1911 г. Ц. 2 р. 75 к. (въ перепл.)

Жеребцовъ, В. О. Предварительное сходство. Изд. 2-ое, перераб. и дополн. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

❖❖ **Колѣбаніе курсовъ.** всѣхъ процентныхъ бумагъ на С.-Петербургской биржѣ за послѣдніе 7 лѣтъ. 1911 г. Ц. 1 руб.

Малянтовичъ П. Н. и Муравьевъ Н. К. Законы о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Практическій комментарий. 1910 г. Ц. 3 руб. 50 к. (въ перепл.).

Плетневъ, В. А. и Содовскій, Г. Г. Законъ о государственномъ налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ, и мѣстечкахъ, съ инструкціями образцами, формами и пр. 1911 г. Ц. 1 р.

Плеханъ, И. С. Бюджетные законы, съ разъясненіями и алф. предметнымъ указателемъ. 1911 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Русская группа Международнаго союза криминалистовъ. Общее собраніе 21—23 апрѣля 1910 г. Доклады и пренія по докладамъ. 1911 г. Ц. 2 р.

❖❖ **„Русская Мысль“** Июль. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣичъ, П. Искусство рѣчи на судѣ. 1910 г. Ц. 3 р.

Туганъ-Барановскій, М. И. Основы политической экономіи. 2-ое перераб. изданіе. 1911 г. Ц. 2 р. 75 к. въ перепл. 3 р.

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1911 г.

№ 29.

Воскресенье 24 Юля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора В. М. Гессена, I. В. Гессена, профессоровъ А. А. Жижиленко и А. И. Каминка, В. Д. Набокова, профессоровъ бар. Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента и Л. И. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда. С. Бѣляцкинъ. 2) Новое авторское право. Ф. С. Шендорфъ. 3) Запродажныя за надѣльную землю. А. фонъ-Гибшманъ. 4) Дѣйствія правительства: а) собр. узак. и расп. прав., б) сообщеніе „Освѣдом. Бюро“. 5) Судебные отчеты: с.-петербургскій окружный судъ. (Подлогъ духовнаго завѣщанія). 6) Хроника. 7) Библиографія: Ph. Millet „La crise anglaise“. Бориса Шацнаго. 9) Судебная и судебно-административная практика: а) Гражданскій кассад. деп. правит. сената. б) Первый деп. правит. сената. в) Второй деп. прав. сената. г) Судебный деп. правит. сената. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Колюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: цѣна подписки 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на многолюднѣй—50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1911 годъ.

При этомъ № г.г. подписчикамъ разсылается 11-й листъ рѣш. гражд. касс. деп. за 1910 г. (бесплатное приложеніе).

Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда 1).

Полвѣка тому назадъ нѣмецкій юристъ Lehman, изслѣдуя вопросъ о возмѣщеніи нематеріальнаго вреда, съ горькимъ чувствомъ замѣтилъ: «Едва студентъ переступаетъ порогъ университета, уже съ самаго начала онъ воспринимаетъ, словно истину, положеніе, что только имущественный ущербъ возмѣстимъ, всякій неэкономическій, моральный вредъ не подлежитъ возмѣщенію. Онъ можетъ открыть любой курсъ: вездѣ онъ прочтетъ то же самое». Къ этимъ словамъ извѣстнаго борца за идею возмѣщенія моральнаго вреда можно прибавить, что въ то время не только въ университетахъ, но и въ судебной практикѣ господствовало твердое убѣжденіе, что вознагражденію подлежитъ исключительно ущербъ, нанесенный имущественной сферѣ. Какія бы нравственныя муки ни причинены были потерпѣвшему, послѣдній лишенъ былъ возможности предъявлять за это требованіе, коль скоро не затронуту

1) Докладъ, читанный въ спб. юридическомъ обществѣ 24 ноября 1910 г.

его экономическое благосостояніе (и сколь скоро онъ не вправѣ былъ домогаться присужденія денежной суммы, установленной спеціально какъ вознагражденіе за физическую боль—Schmerzensgeld). Делинквентъ могъ сказать потерпѣвшему: своимъ поступкомъ я нарушилъ твой покой, быть можетъ, навсегда; я заставилъ тебя проводить безсонныя ночи, исковеркалъ всю твою индивидуальную личность, но развѣ въ твоемъ имуществѣ нѣтъ отъ этого минуса, мы съ тобою передъ лицомъ гражданскаго права въ расчетѣ. Твои нравственныя страданія не стоятъ ничего: такова воля закона и права.—Прошло время, и положеніе вещей рѣзко измѣнилось. Господствующимъ стало противоположное ученіе: моральный вредъ съ точки зрѣнія гражданскаго права достоинъ не меньшаго вниманія, чѣмъ имущественный ущербъ. Судьи присуждаютъ за моральный вредъ денежный эквивалентъ. Въ такомъ присужденіи не только не видятъ ничего противоправнаго, но число сторонниковъ денежнаго вознагражденія за ущербъ въ идеальныхъ благахъ растетъ съ каждымъ днемъ. Уже тотъ фактъ, что германское гражданское уложеніе, несмотря на протесты представителей старой рутины и моральнаго ханжества, должно было открыть доступъ, правда не совсѣмъ широкій,

началу возмѣщенія неимущественнаго вреда, свидѣтельствуеъ о крупномъ движеніи впередъ, какое получило это начало въ правовомъ сознаніи Европы. Введеніе въ проектъ германскаго гражданскаго уложенія, а затѣмъ и въ самое уложеніе постановленій о возмѣщеніи моральнаго вреда имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе ученія объ этомъ институтѣ. Но съ своей стороны эти постановленія явились результатомъ окрѣпшей доктрины, которая давно и настойчиво предлагала германскому закону усвоить справедливое начало, уже принятое во многихъ европейскихъ странахъ, — «установить награды за слезы, муки и бессонныя ночи». Въ настоящее время возмѣщеніе моральнаго вреда дѣлается общимъ явленіемъ, входитъ въ кровь и плоть юридической практики повсемѣстно. Немного осталось противниковъ этого института среди ученыхъ юристовъ, между противниками немного осталось такихъ, которые принципиально выступали бы противъ начала возмѣщенія моральнаго вреда *quand même*, а не отрицали бы его только съ точки зрѣнія того или иного дѣйствующаго законодательства, заявляя себя въ то же время сторонниками института *de lege ferenda*. Такъ, австрійскій юристъ Unger, придя къ выводу, что за исключеніемъ случаевъ *Schmerzensgeld* австрійское законодательство возмѣщаетъ только имущественный ущербъ, въ то же время счелъ нужнымъ замѣтить: «Другой вопросъ, насколько основательно такое, французскому и англійскому праву чуждое и въ римскомъ правѣ не всегда выдерживавшееся, ограниченіе возмѣщенія вреда только случаями денежнаго ущерба. Должны ли подлежать гражданской защитѣ неэкономическія блага жизни, сами по себѣ, независимо отъ какой-либо связи съ имуществомъ? Необходимо ли вознаграждать за вредъ какъ матеріальный, такъ и идеальный, какъ денежный, такъ и моральный, за боль какъ физическую, такъ и душевную? Не слѣдуетъ ли съ имущественнымъ интересомъ сравнивать всѣ другіе неэкономическіе интересы путемъ установленія компенсаціи деньгами?» На всѣ эти вопросы, встрѣчающіе въ самыхъ широкихъ кругахъ утвердительные отвѣты, Unger безъ колебанія отвѣчаетъ также утвердительно: «Каждая реформа права возмѣщенія вреда и убытковъ должна исходить изъ этого кардинальнаго пункта», — заявляетъ Unger ¹⁾. Но не выдержала критики жизнь и эта точка зрѣнія, ставящая возмѣщеніе моральнаго вреда въ исключительную зависимость отъ разрѣшительной буквы закона. Стоило только вообще признать идеальныя блага достойными гражданской защиты, и въ положительномъ правѣ не трудно было найти опору для этой защиты, при отсутствіи даже въ законѣ прямыхъ указаній и точной регламентаціи. Наличныя постановленія закона о возмѣщеніи «вреда» оказались настолько эластичными, что въ нихъ возможно было влить даваемое жизнью новое содержаніе. Мы видимъ

въ этомъ отношеніи прогрессъ во многихъ странахъ Европы. Въ частности въ Австріи моральный вредъ возмѣщается въ дѣйствительности наряду съ имущественнымъ ущербомъ. Старая статья о «вредѣ» (*Schaden*), заключающаяся въ кодексѣ 1811 года, сумѣла пріютить, какъ добрая мать, не только случаи убытковъ въ имущество, но считавшійся раньше незаконнымъ дѣйствіемъ такъ называемый имматериальный вредъ. Несмотря на то, что именно въ австрійскомъ уложеніи, съ его крайне казуистической регламентаціей возмѣщенія вреда, встрѣтились для этого больше всего затрудненій, съ которыми пришлось бороться практикѣ. Только въ тѣхъ законодательствахъ, которыя содержатъ прямой запретъ судѣ принимать въ соображеніе неимущественный ущербъ, осталось торжествовать древнее начало, по которому моральному вреду *nulla est aestimatio*. Такое, наприимѣръ, сводъ законовъ прибалтійскихъ, принявшей точку зрѣнія римскаго права, какъ она усвоена была въ данномъ случаѣ прежними интерпреторами: «Вредомъ признается всякій ущербъ, подлежащій имущественной оцѣнкѣ ¹⁾. Начинаетъ пробивать себѣ дорогу принципъ возмѣщенія моральнаго вреда и у насъ въ Россіи, приобретаая сторонниковъ среди юристовъ-теоретиковъ и особенно практиковъ. Симптомы проникновенія въ судебную практику этого принципа, хотя и весьма робкіе, проявляются въ отдѣльных рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ. Возвышеніе индивидуальной личности, все растущая многосложность отношеній, утвержденіе въ гражданскомъ оборотѣ такихъ институтовъ, какъ право изобрѣтателя, авторское право etc., запечатлѣнныхъ перѣдко чисто личными чертами — все это и многое другое не могло въ данномъ случаѣ остаться безъ вліянія. Жизнь вызываетъ къ установленію такого правового начала, путемъ котораго одинаковую реальную защиту съ имущественными благами и притомъ не только въ уголовномъ, но и въ гражданскомъ порядкѣ, получали бы блага не менѣе дорогія — идеальныя, признаваемые правомъ, но мало огражденные отъ посягательствъ. Кто внимательно слѣдитъ за нашей судебной практикой, могъ убѣдиться, что возмѣщеніе моральнаго вреда вырастаетъ у насъ въ крупный вопросъ гражданскаго права. Значеніе вопроса усугубляется, если принять во вниманіе близость реформы нашего обязательственнаго права, а въ томъ числѣ законовъ о возмѣщеніи вреда. Проблема возмѣщенія моральнаго вреда касается предмета большой важности, которому суждено въ будущемъ играть видную роль. Выясненіе и правильное рѣшеніе этой проблемы связано съ существеннѣйшими интересами нашего правосудія и права.

II.

Какъ извѣстно, подъ моральнымъ вредомъ, подлежащимъ возмѣщенію, разумѣютъ страданія и лишенія физическія и нравственныя, причиненныя потерпѣвшему неправомѣрной дѣятельностью делинквента. Всякая неправомѣрная дѣятельность можетъ заключаться въ нападеніи на блага имущественныя или

¹⁾ Vide Lehman, „Die Schutzlosigkeit der immateriellen Lebensgüter beim Schadenersatz“, 1884, S. 43. Въ такомъ же смыслѣ, какъ Unger, также Randa, „Die Schadenersatzpflicht nach österreichischem Rechte“, 1907, S. 147.

¹⁾ Ст. 3435 свод. зак. прибалт.

блага личныя. Но съ точки зрѣнія возмѣщенія вреда важно не благо, на которое совершено нападеніе, а результатъ нападенія, насколько оный отразился на имущественной или моральной сферѣ пострадавшаго. Посягательство на личное благо влечетъ за собой нерѣдко чисто имущественный ущербъ: нарушение цѣлости органа человѣческаго тѣла приводитъ къ потерѣ трудоспособности и заработка, т. е. къ имущественнымъ убыткамъ, публичное оскорбленіе чести подрываетъ кредитъ оскорбленнаго. Все это посредственный имущественный вредъ, отличающійся отъ имущественнаго вреда непосредственнаго тѣмъ, что въ первомъ случаѣ неправомѣрная дѣятельность имѣетъ прямымъ объектомъ не экономическое благосостояніе страдающаго лица, а его личный и идеальный міръ, убытки же являются косвеннымъ результатомъ этой дѣятельности. Моральный вредъ не заключаетъ въ себѣ никакого имущественнаго элемента, являясь страданіемъ или чисто физическимъ или чисто нравственнымъ. Кто-либо терпитъ обиду безъ всякаго отбѣнка экономической убыли, подвергается лишенію органа тѣла, не отражающемуся на трудоспособности. Причинено обезображеніе лица женщины, не собиравшейся выходить замужъ. Моральный вредъ можетъ явиться результатомъ нарушения не только идеальныхъ, но и имущественныхъ благъ, въ томъ случаѣ, когда уничтоженное или поврежденное имущество имѣетъ для потерпѣвшаго особое значеніе, особую субъективную цѣнность (вещь, съ которой связано дорогое воспоминаніе, портретъ умершаго родственника, семейныя бумаги—*Affectionsachen*). Если подъ возмѣщеніемъ вреда понимать исключительно приведеніе нарушеннаго блага въ то состояніе, въ которомъ оно находилось до нарушения (реституцію), то, строго говоря, моральный вредъ не возмѣстимъ. Присужденіе денежнаго эквивалента, способное устранить имущественный ущербъ, не въ состояніи погасить вредъ моральный. Органъ человѣческаго тѣла отрубленный, душевное спокойствіе отнятое не покупаются и не продаются. По невозможность реституировать для потерпѣвшаго, уничтожить для него причиненный моральный вредъ еще не означаетъ, что немисливо возмѣщеніе въ иномъ смыслѣ, немисливо такое удовлетвореніе, которое могло бы и съ точки зрѣнія субъективной потерпѣвшаго и съ точки зрѣнія объективной считаться болѣе или менѣе достаточнымъ возмездіемъ за причиненныя страданія. Служація общимъ критеріемъ и мѣриломъ цѣнностей и правъ — деньги должны и въ данномъ случаѣ явиться средствомъ удовлетворенія потерпѣвшаго. Если денежное вознагражденіе не будетъ здѣсь реституціей, то оно будетъ, по крайней мѣрѣ, компенсацией. «Лицо, оскорбленное въ своихъ чувствахъ, въ своей репутации, имѣетъ право добиваться приватной компенсаціи за свои страданія» — замѣчаетъ Sourdat: «такую ему даютъ въ деньгахъ за отсутствіемъ лучшей мѣры (on... lui donne en argent faute de pouvoir faire mieux)»¹⁾. Но денежное вознагражденіе является

не только тѣмъ крайнимъ средствомъ, о которомъ говоритъ Sourdat: оно можетъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ даже естественнымъ послѣдствіемъ совершившагося нарушенія. За деньги приобретаются блага, служація къ удовлетворенію потребностей физическихъ и духовныхъ. Причинивъ ущербъ моральной сферѣ даннаго лица, отнявъ у него одно изъ духовныхъ благъ, делинквентъ долженъ быть готовъ, что съ него потребуютъ доставленія потерпѣвшему того, чѣмъ духовныя блага могутъ быть приобретены, т. е. уплаты денежной суммы. При этомъ совершенно нѣтъ надобности въ полномъ внѣшнемъ равновѣсіи между затронутымъ моральнымъ благомъ и денежнымъ эквивалентомъ. Нѣтъ необходимости, чтобы чашки вѣсовъ, на которыя положены «презрѣнный металлъ», съ одной стороны, и «моральный вредъ» — съ другой, взаимно уравновѣшивались, какъ вѣсы благонаравнаго торговца. Когда дѣло касается возмѣщенія вреда въ предметахъ, имѣющихъ рыночную цѣнность, достижимо идеальное равновѣсіе, но вознагражденіе за предметы домашней обстановки, особенно старинные, за сорванные и потоптанные цвѣты въ саду или срытый и увезенный чертоземъ заключаетъ въ себѣ элементы не столько реституціи, сколько компенсаціи. Здѣсь судья, не желающій ограничиться одной формальной оцѣнкой поврежденныхъ предметовъ, руководствуется не только матеріальнымъ, но и имматеріальнымъ вредомъ, опредѣляя вознагражденіе за то и другое. Въ случаяхъ причиненія одного моральнаго вреда, рѣчь можетъ идти исключительно о компенсаціи.

За моральный вредъ судъ опредѣляетъ особое денежное вознагражденіе по свободному усмотрѣнію, основанному на соображеніи индивидуальных обстоятельствъ каждаго дѣла.

Въ такомъ видѣ усваивается идея возмѣщенія моральнаго вреда современными законодательствами и судебной практикой культурныхъ странъ. Идея возмѣщенія моральнаго вреда предполагаетъ извѣстное развитіе правового чувства и среду, въ которой личность и личныя права пользуются достаточнымъ уваженіемъ. Тамъ, гдѣ право отказалось отъ узкаго взгляда гражданской защиты исключительно имущественныхъ правъ, гдѣ въ гражданскомъ правѣ видятъ средоточіе интересовъ не матеріальныхъ по преимуществу, а матеріальныхъ и духовныхъ въ равной мѣрѣ, тамъ принципъ вознагражденія за нематеріальный вредъ получилъ самое широкое распространеніе. Знакомство съ иностранными законодательствами и особенно съ иностранными судебными рѣшеніями можетъ убѣдить въ томъ, что возмѣщеніе моральнаго вреда является признаннымъ институтомъ въ большинствѣ культурныхъ странъ. Такое явленіе объясняется не какими-либо исключительными причинами или своеобразными особенностями этихъ странъ, а получающимъ универсальное значеніе общегуманнымъ чувствомъ, которое диктуетъ необходимость приватной компенсаціи со стороны виновнаго для униженнаго и оскорбленнаго.

Страна, раньше всего и больше всего усвоившая принципъ возмѣстимости моральнаго вреда — это, какъ извѣстно, Англія. Англійское право при возмѣщеніи

¹⁾ Sourdat, «Traité général de la responsabilité ou de l'action en dommages-intérêts en dehors des contrats» 1902, t. 1, p. 29.

вреда не дѣлаетъ никакой разницы между вредомъ матеріальнымъ и нематеріальнымъ. За всякій вредъ полагается вознагражденіе, если онъ дѣйствительный и серьезный, безъ различія того, причиненъ ли этотъ вредъ неправомѣрными дѣяніями или нарушеніемъ договора¹⁾. По общему правилу, при обсужденіи за имущественный ущербъ судъ не обязанъ слѣпо руководствоваться размѣромъ причиненнаго вреда: усматривая недобросовѣстность нарушителя, судъ можетъ возложить на него отвѣтственность не только въ количествѣ причиненнаго, но и сверхъ этого количества. Остатокъ, превышающій дѣйствительные убытки, является вознагражденіемъ за моральный вредъ. Въ одномъ случаѣ вознагражденія за обольщеніе дѣвицы судья, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, разрѣшающимъ въ Англии вопросъ о размѣрѣ убытковъ, указалъ, что англійское право знаетъ своеобразные иски, предъявляемые ради примѣрнаго воздѣйствія (for exemplate's sake). «Хотя экономическій ущербъ дѣвицы въ данномъ случаѣ можетъ не превосходить 20 шиллинговъ—пояснилъ судья,—однако жюри имѣть право назначить совершенно свободное вознагражденіе²⁾».

Возмѣщеніе чисто моральнаго вреда—это *exemplary damages*, присуждаемая, по усмотрѣнію суда, въ случаяхъ причиненія вреда чести, репутаціи, здоровью и т. д., когда объ имущественныхъ убыткахъ нѣтъ и рѣчи. Здѣсь судъ считается съ конкретными данными, конкретной справедливостью, средствами сторонъ и многими другими обстоятельствами. Иного порядка англійское право не знало и не знаетъ. «Если бы существовали на этотъ предметъ заранѣе установленные критеріи, обязательные для суда,—замѣчаетъ англійскій юристъ Мауне, то лицо, обладающее богатствомъ, вправѣ было бы при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться общимъ мучителемъ. Оно могло бы подражать тому знатному римлянину, который имѣлъ обыкновеніе ходить вокругъ форума и бить по щекамъ каждаго встрѣчнаго, въ то время какъ рабъ съ кошелькомъ слѣдовалъ за нимъ, расплачиваясь за удары по установленной въ законѣ таксѣ³⁾». *Exemplary damages*, представляя собой съ одной стороны какъ бы наказаніе виновнаго, а съ другой—чисто приватную компенсацию для потерпѣвшаго, не является единственной формой возмѣщенія моральнаго вреда. Англійскій геній выработалъ своеобразный видъ возмѣщенія, въ гражданскомъ оборотѣ играющій громадную роль. Это—такъ называемые *nominal damages*, имѣющіе характеръ то очень почетный, то чрезвычайно унизительный, въ которыхъ также учитываются моменты моральнаго возмѣщенія. Потерпѣвшій можетъ добиваться только

признанія за нимъ извѣстнаго права и лишь попутно требовать какого-либо вознагражденія: судъ признаетъ право и присудитъ съ отвѣтчика нѣсколько шиллинговъ. Эти нѣсколько шиллинговъ должны свидѣтельствовать о томъ, что не только право подтверждено за истцомъ, но что отвѣтчикъ признанъ нарушителемъ (*wrongdoer*). Давая порою истцу большое нравственное удовлетвореніе, *nominal damages* въ иныхъ случаяхъ свидѣтельствуетъ о презрительномъ отношеніи къ праву истца, что бываетъ тогда, когда послѣднему дѣйствительно причиненъ вредъ, но морально онъ его заслужилъ. Присужденіе такого вознагражденія (*contemptuous damages*)—нерѣдкое явленіе при взысканіяхъ за превышеніе предѣловъ самообороны, и особенно въ искахъ къ представителямъ прессы за нравственный вредъ и ущербъ¹⁾. Широко практикуемое свободное судебское усмотрѣніе при опредѣленіи размѣра вознагражденія за моральный вредъ, примѣняемое, впрочемъ, одинаково и въ случаяхъ обыкновенныхъ убытковъ—*ordinary damages*—ни однимъ закономъ *expressis verbis* не предоставлено жюри: сама практика и житейскій опытъ санкціонировали это право²⁾.

Англійская система вознагражденія за моральный вредъ удивляла и удивляетъ своей житейской гибкостью и глубокимъ практическимъ смысломъ. Неуклонное стремленіе судей давать удовлетвореніе каждому пострадавшему за счетъ виновнаго, не упуская ни одного случая, постоянное присужденіе денежныхъ суммъ съ нарушителей чужихъ личныхъ правъ и благъ,—не только съ частныхъ лицъ, но и лицъ должностныхъ—во многомъ содѣйствовали въ Англии выработкѣ идеала гражданина и служителя государства, укрѣпляя уваженіе къ чужому праву и чужой личности какъ въ обывателѣ, такъ и въ носителѣ власти.

Нѣсколько иное, чѣмъ въ Англии, направленіе вопросъ о нравственномъ вредѣ получилъ на континентѣ Европы. Въ Германіи медленное развитіе этого института объясняется господствомъ римскаго права, не успѣвшаго выработать законченной системы возмѣщенія моральнаго вреда. Въ Германіи долго преобладало мнѣніе, что римское право совершенно не считалось съ моральнымъ вредомъ и моральными интересами, а принимало въ соображеніе только

1) См. Pollock, „The law of torts“, 1908, 184—185, также Fischer and Strahan, The law of the press, 1898, p. 228.

2) Если судья найдеть, что жюри при оцѣнкѣ вреда упустило что-либо существенное и размѣръ поэтому не можетъ считаться правильно опредѣленнымъ, то, въ силу выработавшейся практики, онъ можетъ устранить вердиктъ присяжныхъ и назначить новое разсмотрѣніе дѣла. Такъ, въ одномъ дѣлѣ о нападеніи жюри опредѣлило вознагражденіе за моральный вредъ въ 40 шиллинговъ. Тѣмъ не менѣе и эта небольшая сумма на основаніи того, что пострадавшій своимъ поведеніемъ отчасти самъ вызвалъ нападеніе, была признана судьей чрезмѣрной и вердиктъ отмѣненъ. Въ прежнее время судьи считали за правило не отмѣнять вердикта присяжныхъ, если сумма присужденнаго вознагражденія не превышаетъ 20 фунтовъ стерлинговъ; въ настоящее время это правило больше не дѣйствуетъ.

1) Edward Jenks, „A digest“ of English civil law“, Book II, part III, 1908, p. 315, 316, 326 и слѣд., 369 и слѣд.

2) При обольщеніи (Seduction) полагается вознагражденіе за нравственныя муки „безчестье“, „потерю общества“—for the anxiety, distress, loss of society and comfort suffered by the plaintiff and for the dishonour brought upon him. Fraser, A compendium of the law of torts, 1908, p. 102.

3) Maune, „A Treatise on the law of damages“ 1909, p. 53.

вредъ и интересы, оцѣняемые на деньги. «Cicatri-
cium autem aut deformitatis nulla fit aestima-
tio, quia liberum corpus nullam recipit aestima-
tionem... 1).

При ближайшемъ ознакомленіи съ источниками
взглядъ этотъ оказывается не совсѣмъ правильнымъ:
классическое право не игнорировало моральныхъ
интересовъ настолько, чтобы совершенно лишить ихъ
защиты. Ставя на первый планъ чисто матеріальныя
блага, римское право вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣ-
дило, особенно въ послѣдующія эпохи, за тѣми слу-
чаями, когда наносилась тѣлесная или душевная
рана римскому гражданину виновнымъ лицомъ, не
оставляя безъ кары второго и безъ удовлетворенія
перваго. Можно привести примѣры, когда денежное
вознагражденіе опредѣлялось за нравственную порчу
дѣтей 2), за неправильное привлеченіе къ суду сво-
боднаго человѣка въ качествѣ раба 3), за оскор-
бленіе могилъ близкихъ лицъ и т. д. Эти указанія
подрываютъ взглядъ на исключительно материали-
стическій характеръ римскаго права. Хотя нельзя
игнорировать значенія цитированныхъ мѣстъ источ-
никовъ, касающихся неоптимальности матеріальныхъ
благъ, но при наличности другихъ мѣстъ, прямо
противоположныхъ по содержанію, первыя получаютъ
ограничительный смыслъ правилъ, не идущихъ далѣе
того предмета, котораго они спеціально касаются,
и не имѣющихъ общаго характера. Въ Римѣ перво-
начально при примѣненіи *lex Aquilia* принимали во
вниманіе вредъ, причиненный вещи, даже случайный;
мало-по-малу, однако, центръ тяжести переносился
съ вещи на личность; возмѣщалось *damnum iniuria
datum*, учитывалась степень вины делинквента и
субъективной заинтересованности потерпѣвшаго въ
погибшей или испорченной вещи. Первоначально за
обиду и членовредительство судъ могъ назначить
только строго опредѣленное вознагражденіе, уста-
новленное еще XII таблицами — за сломанную кость
раба 150 ассовъ, свободнаго человѣка 300 ассовъ,
за оскорбленіе чести 25 ассовъ и т. д. Впослѣд-
ствіи путемъ преторскаго примѣненія *actio iniuria-
rum aestimatoria* охрану получили самыя дели-
катныя идеальныя блага. Этимъ искою преторскаго
права оскорбленный имѣлъ возможность требовать
денежной суммы въ удовлетвореніе за обиду (*iniur-
gia*), подѣ которой разумѣли всякое умышленное
послѣдствіе противъ личности и личныхъ правъ,
вплоть до вторженія въ чужое жилище 4), причѣмъ
судья былъ совершенно свободенъ въ оцѣнкѣ того,
насколько требуемая обиженнымъ сумма справедлива
(*quantum pecuniam bonum aequum videbitur*).
Максимумъ устанавливалъ въ обыкновенныхъ случа-
яхъ истецъ, а при тяжкихъ обидахъ преторъ. Если
же потерпѣвшій не въ состояніи былъ прибѣгнуть
ни къ услугамъ *actio legis Aquilae*, ни къ *actio*

iniuriarum, то онъ могъ воспользоваться такъ на-
зываемыми *actiones vindictam spirantes*, особыми
исками, которыми за нарушеніе чужихъ правъ воз-
лагалась на виновнаго денежная пеня и цѣлью ко-
торыхъ, какъ объяснилъ Savigny, представлялся
нравственный и публичный интересъ 1). Указываютъ,
что *actiones vindictam spirantes*, также какъ и
actio iniuriarum, были исками съ уголовнымъ от-
тѣнкомъ, но въ древности строго демаркаціонная
линія между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ
вообще не проводилась. Если въ данномъ случаѣ и
могла быть рѣчь о «наказаніи» виновнаго, то во
всякомъ случаѣ это была *reona privata*, а не
publica: штрафъ шелъ цѣликомъ въ пользу постра-
давшаго, который такимъ образомъ не оставался
безъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что въ римскомъ
правѣ носилась идея возмѣщенія моральнаго вреда,
хотя и въ неясныхъ очертаніяхъ. Идея эта не ус-
пѣла воплотиться въ стройныя формы, но она раз-
вивалась на всемъ протяженіи исторіи, и съ тече-
ніемъ времени, съ ростомъ цивилизаціи, ей, быть
можетъ, суждено было стать въ центрѣ ученія о
вредѣ и убыткахъ... Въ римскомъ правѣ Германіи
(*Gemeines Recht*) унаслѣдованная начала древ-
няго права по данному вопросу не получили надле-
жащаго развитія. Интерпретаторы римскаго права
до послѣдняго времени оставались глухи къ общему
смыслу источниковъ, крѣпко держась буквы и испо-
вѣдуя, какъ безусловную истину, что подѣ вредомъ,
подлежащимъ возмѣщенію, слѣдуетъ разумѣть только
вредъ экономической, денежный вредъ. Во главу
угла ставились неизмѣнно примитивныя изрече-
нія источниковъ, вроде того, что «свободное че-
ловѣческое тѣло не пріемлетъ оцѣнки», какъ
будто рѣчь идетъ объ объективной оцѣнкѣ для
чего-то человѣческаго тѣла, а не объ оцѣнкѣ общаго
вреда, связаннаго съ потерей органа человѣческаго
тѣла для того или иного пострадавшаго. Германскіе
ученые совершенно не считались съ тѣмъ, что при-
веденное изреченіе было отголоскомъ старыхъ воззрѣ-
ній на возмѣщеніе, какъ на экономическую реститу-
цію, а въ значительной степени, кромѣ того, могло
явиться реакціей противъ господствовавшей въ ста-
рину матеріальной таксировки органовъ человѣче-
скаго тѣла, установленной еще XII таблицами
(столько-то за выбитый глазъ, отрѣзанную руку и
т. д.). Не безпокоилъ германскихъ ученыхъ и тотъ
фактъ, что рядомъ съ ихъ работой надъ римскимъ
текстомъ народное правосознаніе въ Германіи оказы-
вало явное непочтеніе къ источникамъ, вырабатывая
съ самыхъ раннихъ временъ такіе институты, какъ
Schmerzensgeld, т. е. денежное вознагражденіе за
боль, за страданія «свободнаго тѣла» 2). Если теперь

1) Савиньи, Обязательственное право, 1876 г., стр. 557, Сальковскій, Институціи, 1911 г., стр. 403.

2) *Schmerzensgeld* упоминается еще въ Каролинѣ. Размѣръ *Schmerzensgeld* опредѣлялся каждый разъ судей въ зависимости отъ степени причиненной боли. *Schmerzensgeld* былъ искою о возмѣщеніи (*Ersatzklage*), но безъ всякаго оттѣнка имущественнаго ущерба. Допускалось, однако, одновременное взыска-
ніе *Schmerzensgeld* и убытковъ. Stobbe, Hand-
buch des Deutschen Privatrechts 1898, s. 527. Но

3) Lehman, cit. S. 7.

4) Puchta, Pandecten, 1872. S. 569.

задать себѣ вопросъ, почему составители новаго германскаго уложенія не отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ идеѣ возмѣщенія нематеріальнаго вреда, то отвѣтъ будетъ только одинъ: этому мѣшала старая традиція римскаго права. Хотя составители BGB ввели нѣсколько статей, посвященныхъ возмѣщенію неэкономическаго вреда, но сдѣлали это какъ бы противъ воли, черезъ силу, словно пришлось принести дань какому-то модному ученію, дать мѣсто чуждому и, быть можетъ, инородному элементу въ системѣ родныхъ строго взвѣшенныхъ и испытанныхъ правовыхъ началъ. Полному изгнаію изъ кодекса «моральнаго вреда» мѣшала весьма серьезныя обстоятельства. Прежде всего необходимо было считаться съ тѣмъ, что постановленія о вознагражденіи за увѣчье и физическую боль Schmerzensgeld—сдѣлались достояніемъ сенатныхъ законодательствъ, какъ саксонское гражданское уложеніе ¹⁾, виртембергскій законъ 5 сентября 1839 года, баденскій законъ 6 марта 1845 г. и др. Постановленія эти пустили глубокіе корни въ народной жизни: ихъ нельзя было вырвать. Въ кодексѣ обще-имперскаго законодательства, а именно въ германскомъ уголовномъ уложеніи 1871 г. имѣлось правило, что во всѣхъ случаяхъ тѣлеснаго поврежденія, помимо налагаемыхъ на виновнаго наказаній, можетъ быть присуждено съ него въ пользу потерпѣвшаго особое вознагражденіе—Busse—до 6 тысячъ марокъ ²⁾. Если такая полномочія предоставляются уголовному суду (назначеніе предѣльнаго размѣра Busse до 6 тысячъ марокъ давало достаточный просторъ судейскому усмотрѣнію), то почему ихъ долженъ былъ быть лишенъ гражданскій судья? Далѣе: разъ вознагражденіе выдается за физическую боль, то рождается естественный вопросъ, справедливо ли отказывать въ этомъ потерпѣвшему боль душевную или иныя муки. Почему выдѣлять страданія? Что присужденіе денежнаго вознагражденія за неденежный вредъ само по себѣ ничего предсудительнаго, антиморальнаго не заключаетъ, объ этомъ свидѣтельствовали ежедневныя примѣры судебной практики другихъ странъ. Въ сосѣдней Швейцаріи обязанность возмѣщать моральный вредъ включена была въ самый законъ ³⁾. Фактически и германскіе суды, еще до введенія гражданскаго уложе-

прусскому Landrecht'у Schmerzensgeld присуждалось только лицамъ низшихъ классовъ. Этого ограниченія не знали другія государства Германіи.

¹⁾ § 1490: когда тѣлесное поврежденіе имѣть послѣдствіемъ изуродованіе или увѣчье, то и по поводу сего должно послѣдовать возмѣщеніе вреда, по усмотрѣнію суда.

²⁾ Strafgesetzbuch, § 231.

³⁾ Ст. 54 союзнаго закона объ обязательствахъ 14 іюня 1881 г.: „Въ случаѣ тѣлеснаго поврежденія или смерти суду вправѣ, въ виду особыхъ обстоятельствъ, а именно въ случаѣ злого умысла или грубой неосторожности, присудить потерпѣвшему или его семьѣ соотвѣтственную денежную сумму, независимо отъ возмѣщенія доказанныхъ убытковъ“. Слѣдующая 55-ая статья говоритъ о правѣ суда присуждать соотвѣтственное денежное вознагражденіе „хотя бы пострадавшій и не доказалъ никакого имущественнаго ущерба“, если вредъ причиненъ „другими недозволенными дѣйствіями“ личной сферѣ (persönlichen Verhältnissen) потерпѣвшаго.

нія, не оставляли безъ удовлетворенія моральный вредъ. Это дѣлалось то подъ видомъ присужденія Schmerzensgeld, то подъ видомъ возмѣщенія имущественныхъ убытковъ, когда рѣчь шла, напр., о вредѣ, не поддающемся точному экономическому учету (обезображеніе женщины, злоупотребленіе именемъ), и практиковалось особенно часто послѣ изданія устава гражданскаго процесса, предоставившаго суду право рѣшать «по свободному убѣжденію» wie hoch sich der Schaden oder ein zu ersetzendes Interesse belaufe ¹⁾. Начало возмѣщенія моральнаго вреда просачивалось черезъ всѣ поры дѣйствующихъ нормъ гражданскаго права, и редакторамъ германскаго гражданскаго уложенія такъ или иначе пришлось считаться съ этимъ явленіемъ, чтобы не отстать совершенно отъ жизни. Въ пользу введенія института возмѣщенія моральнаго вреда раздавались въ Германіи самые авторитетные голоса. Этого требовали между прочимъ Ihering, Seitz, Kohler, Lehman. Наше время—говорили представители этого теченія, обращаясь къ составителямъ проекта—предпочисляетъ присужденіе эквивалента въ деньгахъ также за немущественный, моральный вредъ. «Мысль о томъ, чтобы возмѣщеніе идеальнаго вреда стало предметомъ обязательственнаго требованія, разъ брошенная въ умы, будетъ работать и работать и не успокоится, пока и въ Германіи не найдетъ своего выраженія въ законѣ. Почтенные юристы, занятые составленіемъ новаго уложенія для Германіи, должны помнить, что нельзя будетъ создать надлежащаго правопорядка, если законъ будетъ чутко реагировать и прибѣгать на помощь своимъ искамъ, когда по небрежности разбить старый горшокъ, а при тягчайшихъ нарушеніяхъ идеальныхъ благъ останется холоднымъ и безчувственнымъ» ²⁾.

При изготовленіи перваго проекта было внесено предложеніе, чтобы вознагражденіе за нематеріальный вредъ выдавалось въ случаяхъ увѣчья, поврежденія здоровья, лишенія свободы, а также оскорбленія чести. Но послѣдняя часть предложенія оказалась отвергнутой на томъ основаніи, что возстановленія оскорбленной чести легче достигнуть не денежнымъ вознагражденіемъ, а испрошеніемъ прощенія и судебнымъ «призваніемъ» чести оскорбленнаго. Обиженному должно предоставлять, неискренно заявили редакторы, einen klagbaren Anspruch auf eine Ehrenerklärung, einen Widerruf oder eine Abbitte ³⁾, т. е. то, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ и не могло быть помѣщено ни въ гражданскомъ уложеніи, ни въ другомъ кодексѣ. Въ настоящее время § 847 уложенія гласитъ: «Въ случаѣ тѣлеснаго поврежденія или разстройства здоровья, а также въ случаѣ лишенія свободы потерпѣвшій можетъ потребовать справедливаго вознагражденія за вредъ, который не составляетъ

¹⁾ Zivilprozessordnung für das Deutsche Reich, § 287.

²⁾ Lehman, *ibid.*, s. 44.

³⁾ Protokolle der Kommission für die zweite Lesung des Entwurfes des Bürgerlichen Gesetzbuchs, Bd. 2, S. 641.

имущественного ущерба... (Второй абзац статьи предоставляет «равное притязание» женщин, по отношению к которой совершены преступление или проступок против нравственности или которую принудили против воли к вынужденному совокуплению). Ответственность по § 847 ст. выходит за пределы старого Schmerzensgeld'a: последнее составляло вознаграждение за «боль», между тем как BGB определяет вознаграждение за имущественный «вред» вообще. Кроме того наряду с телесными повреждениями и разстройством здоровья поставлено лишение свободы (и специальный вид посягательства на женскую честь). Но BGB совершенно игнорирует другие случаи морального вреда. Потерпевший обезображение лица может по германскому гражданскому уложению требовать возмещения морального вреда, но этого не может делать тот, чья погублена репутация. Дается вознаграждение за «нравственные страдания» лишению свободы, но никакого удовлетворения, кроме возмещения имущественных убытков, не получает тот, которого лишили (неправомочно) близкого человека. Дабы ни у кого не могло возникнуть сомнение на счет того, что указанные в ст. 847 случаи являются единственными и исключительными, в германское гражданское уложение была введена статья (253), установившая, как общее правило, что за вред, не представляющий имущественного ущерба, может быть потребовано вознаграждение в деньгах только в случаях, законом особо предусмотренных¹⁾. Можно было бы объяснить тенденцию германского уложения сузить ответственность за нематериальный вред какой-либо особой осторожностью составителей, опасением перед расширением полномочий суда и пр., если бы в данном случае не была в глаза другая причина, действовавшая более механически. Причина эта и заключается в раблении германских романистов перед старой традицией, крепко усвоенной обще-германским правом, как завещать римского права, о невозможности немущественного вреда. Этого не следует забывать при обсуждении правил о моральном вреде не только в германском гражданском уложении, но и в других законодательных трудах, существующих в данном вопросе за германским BGB²⁾.

¹⁾ Эти случаи суть те, которые перечислены в § 847 ст. «Неимущественный интерес» может быть кроме того принят во внимание судом при ходатайствах о понижении договорной неустойки (ст. 343). Неудовлетворительность и недостаточность постановлений BGB о нематериальном вреде признаются почти всеми комментаторами. Kohler (Bürgerliches Recht in Holtzendorff's Encyclopädie der Rechtswissenschaft, Bd. 1, S. 652) усматривает «большой недостаток» кодекса в принципиальном недоверии к институту возмещения нравственного вреда (Ersatz für seelischen Schaden). Cromé (System des Deutschen Bürgerlichen Rechts, 2 Bd., 1902, S. 21) находит взгляд о неосознанности идеальных благ и денег ошибочным и опровергнутым в самом уложении.

²⁾ Таков выработанный в России проект гражданского уложения, в котором денежная сумма за «нравственный вред» от неправомочных действий определяется приблизительно в тех же слу-

От подчинения римскому праву легче, чем Германия, освободились романские страны. Романский судья, живой, энергичный и отзывчивый, чуждающийся в применении правовых норм мертвой формалистики, доступный голосу жизни и окружающей обстановки, способствовал широкому проведению в жизнь идеи вознаграждения и возмещения серьезного нравственного вреда. Не находя в римском праве достаточно сильного подкрепления тому положению, что всякий вред, причиненный невинному, не должен оставаться без воздействия и удовлетворения, даваемого не только в пользу государства, как абстрактной величины, но и непосредственно в пользу потерпевшего, романский судья порвал в этом отношении связь с классическим правом и пошел по самостоятельному пути. Еще задолго до великой революции во Франции встречаются судебные решения, определяющие потерпевшему денежное вознаграждение за préjudice moral. Революция с ее учением о достоинстве личности, об уважении к чужой индивидуальности могла только способствовать укреплению в сознании народа мысли о необходимости удовлетворения, — как публичного, так и частного — за вторжение в сферу личных прав потерпевшего. Хотя в Code civil, явившийся одним из последствий революции, не попало прямое постановление о моральном вреде, но статья Code'a по которой всякое деяние, причиняющее другому вред,

что и в BGB (со включением случаев нанесения оскорбления. Об этом особо — ниже). Разбирая проект германского уложения, проф. Gierke обрушился на составителей дилеммой градом упреков за то, что они исключили обязанность вознаграждать за моральный вред при нарушении договоров. «Если кто-либо бросит в огонь данные мной ему на сохранение не имеющие сами по себе цены семейные картины или ящики с рукописями и реликвиями, доставшимися мне от родителей, то я не имею иска о вреде — указывал Gierke. — Мотивы уложения утешают, что пожелание для обеспечения немущественного интереса установить в данном случае неустойку. Но это только новый аргумент, что BGB рассчитан на тертых людей, опытных в деловом обороте». (Gierke, der Entwurf eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich, 1889, S. 198). Русский проект, под несомненным влиянием Gierke, на которого сделаны кое-где ссылки в мотивах, санкционировал вознаграждение за нравственный вред, причиненный неисполнением взятого на себя обязательства (ст. 117 изд. 1905 г.). Таким образом за картины, отданные на сохранение и сторванные по вине хранителя, можно по русскому проекту взыскивать особое возмещение нравственного вреда, так как деяние хранителя подходит под понятие нарушения договора. Но если бы эти предметы сожгло лицо, с которым владелец в договорных отношениях не состоит, то вознаграждение с него присудить нельзя было бы, как не присуждается такое вознаграждение и по BGB. Такая постановка вопроса о моральном вреде в русском проекте, хотя и раздвинувшем рамки по сравнению с BGB, но все еще не решившемся сойти окончательно с казуистической точки зрения, объясняется невольным тяготением к правилам BGB, имеющим чисто переходный характер, недостатком твердой принципиальной точки зрения как в самом германском гражданском уложении, так и в кодексах, к нему примыкающих в данном предмете.

обязывает того, по чьей винѣ вредъ произошелъ, къ удовлетворенію»¹⁾, была истолкована судами въ смыслѣ возмѣщенія вреда экономического и неэкономического. Если бы французскій судья задался вопросомъ, почему подъ понятіемъ «вредъ» слѣдуетъ разумѣть только вредъ имущественный, онъ ни въ своей совѣсти, ни въ народномъ правосознаніи не нашелъ бы на это удовлетворительнаго отвѣта. Только традиція, усвоенная и поддержанная исторической школой права, подсказала бы ему, что такъ предписываетъ верховный авторитетъ классической юриспруденціи, такъ будто бы велѣло римское право. Слишкомъ слабъ былъ, однако, старый авторитетъ въ сравненіи съ развернувшимися передъ глазами судьи условиями новой жизни, новыми проблемами и новыми понятіями о правѣ и человѣческомъ благѣ. Французскіе суды такъ широко понимаютъ защиту личныхъ благъ, что даже мужъ, оскорбленный невѣрностью жены, можетъ претендовать на полученіе вознагражденія съ соблазнителя, хотя на практикѣ такого рода претензіи вызываютъ весьма нерѣдко сомнѣніе въ искренности и серьезности вреда. Мужъ имѣетъ искъ и противъ лица, признаннаго виновнымъ въ поддержаніи съ женой компрометирующихъ отношеній, въ особенности, если будетъ доказано, что такое поведеніе причинило нравственный вредъ не только мужу, но и всей семьѣ²⁾. Обычные случаи возмѣщенія нравственного вреда—это оскорбленіе и клевета, въ устной формѣ, на письмѣ и въ печати, умаленіе женской чести, неправомѣрное пользованіе чужимъ именемъ и псевдонимомъ, литературнымъ и театральнымъ, злоупотребленіе чужой фамиліей при выборахъ, незаконное лишеніе свободы и даже избирательныхъ правъ, вторженіе въ чужое жилище, нападеніе, причиненіе вреда здоровью и т. д. и т. д. За смерть родныхъ могутъ искать возмѣщенія моральнаго вреда родители, дѣти, братья и сестры. Нѣтъ надобности, чтобы они были наследниками въ имуществѣ: достаточно доказать наличность дѣйствительнаго вреда, d'un préjudice moral actuel et certain³⁾. Нравственный вредъ служитъ часто основаніемъ къ выступленію потерпѣвшихъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Были случаи, когда гражданскими истцами судъ допускалъ лицъ, на которыхъ ранѣе падало подозрѣніе въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняется подсудимый, причемъ судъ исходилъ изъ того, что своими стараніями перенести преступное дѣяніе на истца подсудимый причинилъ ему моральный вредъ⁴⁾. Еще болѣе, чѣмъ во Франціи, принципъ возмѣщенія моральнаго вреда усвоенъ въ близкой ей по правовымъ воззрѣніямъ Италіи. При частныхъ личныхъ столкновеніяхъ итальянцевъ между собою дуэль въ народной

средѣ бываетъ иногда средствомъ, предотвращающимъ простое убійство и другія преступления. Между тѣмъ присужденіе обидчика къ возмѣщенію моральнаго вреда часто предупреждаетъ въ Италіи не только преступления на почвѣ раздраженія, но и самую дуэль. Въ Италіи мы находимъ горячихъ сторонниковъ вознагражденія за моральный вредъ, хотя здѣсь же выступаютъ и наиболѣе даровитые противники этого института, какъ проф. Gabba и др. Вотъ нѣсколько примѣровъ вознагражденія моральнаго вреда изъ итальянской практики послѣдняго времени. Неаполитанскій кассационный судъ (рѣш. 13 іюля 1896 г.) призналъ законнымъ возмѣщеніе моральнаго вреда, причиненнаго семьѣ лишеніемъ ея руководительства отца семейства (il documento che in una famiglia arreca la mancanza della direzione del padre! Генуэзскій судъ 10 мая 1898 г. присудилъ 1400 лиръ пассажиру, который въ сорвавшемся вагонѣ электрическаго трамвая подвергся «опасному путешествію». Учителю, несправедливо отказанному отъ мѣста и оклеветанному, было присуждено 15.000 лиръ per danni morali. 8 мая 1909 г. флорентійскій апелляціонный судъ присудилъ денежное вознагражденіе мужу съ лица, находившагося съ его покойной женой въ незаконной связи, обнаруженной при чтеніи мужемъ оставшейся послѣ покойной ея переписки. «Въ Италіи—говорится въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи—юриспруденція постоянно высказывается за возмѣщеніе моральнаго вреда, и ежедневный опытъ представляетъ намъ случаи денежнаго вознагражденія при диффамациі, разращеніи малолѣтнихъ, прелюбодѣянн... Дѣяніе, затрагивающее чужую честь, не только ухудшаетъ положеніе обиженнаго, не только способствуетъ этимъ путемъ прямому уменьшенію его экономического благосостоянія, но и оскорбляетъ притязаніе, которое вправѣ имѣть каждый гражданинъ на сохраненіе для себя тѣхъ удовольствій высшаго порядка, которыя дѣлаютъ жизнь пріятной и счастливой, каковы покой, безмятежность души, домашній и семейный миръ¹⁾». При присужденіи вознагражденія за нравственный вредъ итальянскіе суды не ставятъ во главу угла изслѣдованіе внутреннихъ мотивовъ, побуждающихъ истца требовать оцѣнки на деньги своей чести. «Не можетъ и не долженъ судья перестраивать психологію тяжущихся,—посучаетъ приведенное рѣшеніе флорентійскаго апелляціоннаго суда,—онъ долженъ считаться только съ важнымъ интересомъ, и гдѣ таковой есть, признавать право». Кассационный судъ въ Палермо признаетъ за женщиной, хотя и взрослой, соблазненной мужчиной, путемъ обѣщанія жениться или безъ такого обѣщанія, право на искъ о возмѣщеніи вреда, несмотря на ненаказуемость такого дѣянія по уголовному закону, такъ какъ подобная женщина не только терпитъ матеріальный уронъ, но «теряетъ

¹⁾ Code civil § 1382: Tout fait quelconque de l'homme qui cause à autrui un dommage oblige celui par la faute duquel il est arrivé à le réparer.

²⁾ Sirey, Les Codes annotés, Code Civil, v. 2, 1901, p. 607.

³⁾ Sirey, ibid, p. 645. О взысканіяхъ за увѣчья и другіе несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ—см. Planiol, Traité élémentaire de droit civil, 1907, t. 2, p. 280.

⁴⁾ Laurent, Principes de droit civil, vol. XX, p. 418.

¹⁾ Le foro Italiano, 1909 г. 1208. При тѣхъ же приблизительно условіяхъ другому потерпѣвшему было присуждено 10.000 лиръ, ex aequo et bono, какъ выражается рѣшеніе—per danni materiali, ed morali (corte di cassazione di Torino, Udienza 22 gennaio 1909, Foro Ital., 1909 г. p. 724).

честь и будущность» (рѣш. 1-го апрѣля 1909 года). Не взирая на сильное противодѣйствіе, нерѣдко оказываемое распространению ученія о моральномъ вредѣ частью юридической литературы и невольно находящее отраженіе въ нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, въ общемъ институтъ обрѣтаетъ здѣсь для себя благоприятную почву. Разумное, внимательное и даже, можно сказать, любовное отношеніе къ нему со стороны большинства итальянскихъ судовъ обезпечиваетъ ему полезную роль и цѣлесообразное развитіе 1).

С. Вьяцкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новое авторское право.

(Окончаніе) 2).

Содержаніе авторскаго права на музыкальныя произведенія (ст. 42) изложено подробно и понято очень широко. Законъ предоставляетъ композитору и право на переложеніе произведенія, «на всякаго рода механическія ноты (диски, пластинки, цилиндры и т. п.), предназначенныя для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піаноль и тому подобныхъ инструментовъ».

Вопросъ о правѣ композитора на переложеніе его произведенія для механическихъ инструментовъ имѣетъ интересную исторію 3). При обсужденіи проекта бернской конвенціи (1886 г.) представители Франціи и Швейцаріи требовали освобожденія этихъ инструментовъ отъ авторскаго права композиторовъ, и другимъ государствамъ пришлось согласиться въ интересахъ

1) Современная доктрина возмѣщенія моральнаго вреда ведетъ начало во Франціи отъ Pothier, въ Италіи отъ Gioia. Pothier (Traité des obligations, v. II, p. 108) опредѣляетъ деликтъ и квази-деликтъ какъ дѣянія, которыя при наличности извѣстныхъ условій причиняютъ вредъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ) другому—quelque tort à un autre. Взгляды Pothier на вредъ и возмѣщеніе ближе подходятъ къ ученію англійскихъ юристовъ, чѣмъ къ римскому праву. Toullier (Le droit civil français, v. I, 1832, § 121) наряду съ нарушеніемъ имущественныхъ правъ ставитъ посягательства на личность и личныя права, причемъ указываетъ, что противъ всѣхъ посягательствъ установлена защита гражданская (réparation) и уголовная. Zachariae упоминаетъ о вознагражденіи за tort moral. Melchior, Gioia съ блестящимъ краснорѣчіемъ, имѣвшимъ сильное влияние на умы, доказывали необходимость денежнаго вознагражденія, по правиламъ справедливости, за угрозы лишить жизни, за страданія, причиненныя тяжкимъ оскорбленіемъ, за обольщеніе, незаконные аресты и пр. Ученіе Gioia (не-юриста) изложено у Consolo, Trattato sul risarcimento del danno 1908, p. 222 e seg. Дальнѣйшее развитіе доктрины—Laurant, XX, § 395, Hue, Commentaire théorique et pratique du Code civil, 1895, p. 547, Sourdat, v. I, p. 29 и слѣд., Minozzi, Studio sul danno non patrimoniale, 1908, Cesareo Consolo, cit. del danno morale, p. 220—286.

2) См. № 26 „Права“.

3) Ср. Kohler, Urheberrecht, стр. 205 сл., Daude, Reichsgesetze über das Urheberrecht etc. (1910), стр. 221 сл.

достиженія цѣли конвенціи. Такъ возникла ст. 3 заключительнаго протокола этой конвенціи. Мотивировалось это требованіе интересами промышленности, выдѣлывающей эти инструменты, которая будто бы не можетъ существовать, если подчинить ее авторскому праву композиторовъ. Однако въ Германіи, Бельгіи и др. странахъ вскорѣ замѣтили, что такое предпочтеніе промышленности интересамъ композиторовъ крайне несправедливо по отношенію къ послѣднимъ. Въ особености съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены были механическіе инструменты съ подвижными, вымѣняемыми пластинками (аристоны, герофоны, автоматическіе піанино и т. д.), указанная ст. 3 бернской конвенціи получила со-всѣмъ иное значеніе. Теперь уже стало возможнымъ съ каждымъ инструментомъ исполнять безчисленное множество произведеній не такъ какъ прежде, когда всякій механическій инструментъ приспособленъ былъ лишь для опредѣленнаго, небольшого числа композицій. То, что прежде не могло причинить композиторамъ чувствительнаго вреда, стало теперь, съ массовымъ производствомъ, грозной бѣдой. Композиторамъ угрожала крупная опасность—они не только терпѣли огромную матеріальную потерю отъ распространенія ихъ произведеній безъ всякаго вознагражденія въ милліонахъ экземпляровъ, переложенныхъ на диски, но и видѣли, какъ гибнетъ подъ влияніемъ безчисленныхъ механическихъ передачъ художественный интересъ къ ихъ произведеніямъ. Достаточно для примѣра указать на интермеццо изъ «Сельской чести», которое эти инструменты въ теченіе 2 лѣтъ такъ «завтрали», что интересъ къ дѣйствительно музыкальному исполненію его почти исчезъ. Массовое производство оказалось губельно для искусства. Суды поняли это (не повсюду—во Франціи и въ Англии они продолжали считать всякіе механическіе инструменты свободными отъ разрѣшенія композитора) и толковали указанную статью конвенціи ограничительно: свободными отъ авторскаго права признавались теперь лишь инструменты съ приспособленными специально для каждаго изъ нихъ валиками (шарманки, оркестріоны и т. п.), на механическіе же инструменты съ вымѣняемыми пластинками (auswechselbare Scheiben, plaques échangeables) распространялось авторское право композитора. Понятно, что еще болѣе усовершенствованные инструменты—фонографы, граммофоны, театрофоны, піанолы, неолы, фонолы, миньоны и проч.—передающіе исполняемыя произведенія съ индивидуальными оттѣнками, тѣмъ болѣе считались подлежащими авторскому праву. Правда, германскій законъ 1901 г. § 22 внять расширилъ кругъ механическихъ инструментовъ, свободныхъ отъ авторскаго права, но подоспѣвшій въ 1908 г. пересмотръ бернской конвенціи уже сталъ на прямо противоположную точку зрѣнія: по ст. 13 автору принадлежитъ исключительное право переложенія музыкальныхъ произведеній на всякіе механическіе инструменты (соотвѣтственнымъ образомъ измѣненъ въ 1910 г. и упомянутый § 22 герм. зак.). Къ этому развитію примкнулъ и нашъ законъ. Но редакція его и тутъ неточна—что понимать подъ словами: и тому подобныхъ инстру-

ментовъ? 1) Только ли инструменты, передающіе подобно граммофону, піанолѣ и т. д. индивидуальное исполненіе произведенія, или 2) также всѣ механическіе инструменты съ подвижными пластинками, или 3) наконецъ, всѣ безъ исключенія механическіе инструменты (слѣдовательно, и тѣ, которые снабжены неподвижными валиками, какъ шарманки и т. п.)? Ближе всего къ смыслу ст. 42 (ср. и прим. къ ст. 24) будетъ второе толкованіе, такъ какъ законъ подчеркиваетъ самостоятельное значеніе механическихъ нотъ (диски, пластинки и проч.). Шарманки и подобные инструменты могутъ, слѣдовательно, и дальше исполнять всѣ произведенія и безъ разрѣшенія композиторовъ. Всѣ же остальные механическіе инструменты должны отнынѣ заручиться согласіемъ автора. Такое рѣшеніе вопроса въ достаточной степени охраняетъ интересы композиторовъ, оставляя въ то же время извѣстный просторъ промышленности механическихъ инструментовъ, и даетъ, наконецъ, возможность легкаго распространенія наиболѣе народныхъ механическихъ инструментовъ въ населеніи.

Возникло, однако, опасеніе, что согласіемъ авторовъ заручатся всегда крупныя фирмы, изготовляющія механическіе инструменты, и получаютъ, такимъ образомъ, монополію, такъ что болѣе слабымъ фирмамъ могла бы грозить полная гибель. Для предупрежденія этого германскій законъ § 22 (въ редакціи 1910 г.) вводитъ такъ называемый *Zwangslizenz*: разъ композиторъ разрѣшилъ кому-нибудь переложить его произведеніе на механическіе инструменты для продажи, то онъ уже обязанъ дать такое же разрѣшеніе всякому другому за извѣстное вознагражденіе. Это то и выражаетъ ч. 2 ст. 42 нашего закона. При этомъ, однако, нашъ законъ искажилъ смыслъ идеи *Zwangslizenz*, допустивъ ее и въ случаѣ, если композиторъ лично воспользовался правомъ переложения своего произведенія на механическія ноты. На самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія ограничивать его право разрѣшеніемъ всякому 3-ьему лицу требовать такого же права переложения—опасности монополіи крупнаго промышленника нѣтъ, *ratio legis* отпадаетъ. Нашъ законъ тутъ не достаточно оберегъ интересы композиторовъ.

Подъ уступкой права такого же переложения слѣдуетъ понимать переложеніе на механическія инструменты, но не обязательно на такой же, на какой дано первоначальное разрѣшеніе.

Законъ этотъ примѣняется и тогда, если композиторъ уступилъ кому-нибудь исключительное право такого переложения.

Совершенно безъ вниманія оставила наша ст. 42, ч. 2, случай, предусмотрѣнный въ германскомъ § 22 ч. 2: какъ быть, если данное произведеніе вокальное—содержитъ текстъ (защищенный авторскимъ правомъ) съ музыкой? Германское право даетъ *Zwangslizenz* и въ такомъ случаѣ, если авторъ текста разрѣшилъ кому-нибудь переложеніе его на механическіе инструменты, но на мѣсто автора управомоченнымъ (и обязаннымъ) давать и дальѣйшія разрѣшенія является уже композиторъ, который

только долженъ уступить автору текста соответствующую часть вознагражденія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и по нашему праву (какъ по германскому закону § 22 а) разрѣшенные авторомъ диски, пластинки и проч. даютъ также право публичнаго исполненія.

Ст. 48 составляетъ крупный пассивъ новаго закона, заключая въ себѣ значительное, ничѣмъ не оправдываемое ограниченіе правъ композитора. Право на публичное исполненіе, составляющее столь цѣнный элементъ авторскаго права, предоставлено (ст. 47) безъ всякихъ ограниченій лишь авторамъ драматическихъ и музыкально-драматическихъ произведеній (оперъ, оперетокъ, балетовъ, ораторій¹⁾ и т. д.²⁾ Композитору же чисто-концертному это право остается (ст. 48) «лишь въ томъ случаѣ, если имъ на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою это право». Этимъ неудачнымъ постановленіемъ русское право отброшено назадъ на точку зрѣнія старыхъ (напр., австрійскаго § 34) авторскихъ законовъ—точку зрѣнія, давно уже покинутую новыми праворазвитіемъ (въ томъ числѣ и германскимъ закономъ 1901 г., бывшимъ прототипомъ нашего закона³⁾). Непонятно, почему композиторъ долженъ быть ограниченъ въ использованіи своего искусства, между тѣмъ какъ драматическій авторъ или музыкально-драматическій композиторъ находятся въ лучшемъ положеніи. Наивно объясненіе мотивовъ, что постановленіе ст. 48 имѣетъ въ виду, согласно указанію проекта главной дирекціи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, устранить излишнія затрудненія, весьма часто связанныя съ полученіемъ отъ композитора согласія на исполненіе его музыкальнаго произведенія. Оно показываетъ лишь, что императорское музыкальное общество очень мало заботится объ интересахъ русскихъ композиторовъ и ставитъ интересы музыкантовъ, воспроизводящихъ чужія творенія, выше интересовъ самихъ творцовъ. Во-первыхъ, «затрудненія» при исполненіи часто-музыкальныхъ композицій не больше затрудненій при исполненіи музыкально-драматическихъ произведеній, а, во-вторыхъ, «затрудненія» эти не исчезаютъ, если на каждомъ экземплярѣ будетъ найдется соответствующая оговорка⁴⁾. На самомъ

1) У г. Канторовича, „Авторское право“, стр. 211 совершенно неправильно исключены ораторіи изъ числа музыкально-драматическихъ произведеній. Ср. Kohler. Urheberrecht, стр. 200, 201.

2) Причемъ авторамъ здѣсь должно принадлежать и исключительное право на исполненіе частіи драматическаго или музыкально-драматическаго произведенія (отдѣльнаго акта, сцены, монолога, увертюры, ансамблей, арій)—по общему принципу авторскаго права, по которому право на произведеніе распространяется и на части его (ср. § 3 австрійскаго зак.). О германскомъ правѣ по данному вопросу Dernburg, Bürg. Recht, т. VI, стр. 70, 71

3) Во Франціи уже зак. 1791 г. (!) не зналъ „оговорки“.

4) За публичнымъ исполненіемъ всѣхъ вообще музыкальныхъ произведеній слѣдуютъ уже издавна общества композиторовъ и издателей во Франціи (Société des auteurs, compositeurs et éditeurs de musique) и въ Австріи (Gesellschaft der Komponis-

дѣлѣ, неудачное и несправедливое постановленіе ст. 48 поведетъ лишь къ тому, что такъ какъ не всѣ композиторы воспользуются этой оговоркой, то тѣ изъ нихъ, которые къ ней не прибѣгнутъ и которыхъ произведенія, слѣдовательно, будутъ доступны свободному исполненію, и будутъ больше исполняться въ концертахъ, чѣмъ тѣ, которые воспользуются «привилегіей» ст. 48. Первые, хотя и лишатся доходовъ отъ исполненія, но приобретутъ, по крайней мѣрѣ, извѣстность, вторые—ничего не получатъ, ни денегъ, ни популярности ¹⁾. Ст. 48 тѣмъ болѣе печальна для композиторовъ, что ихъ право на публичное исполненіе еще болѣе урѣзано ст. 50. Въ особенности п. 1 послѣдней статьи (исполненіе допускается безъ согласія композитора: 1) «если исполненіе не непосредственно, не косвенно не преслѣдуетъ цѣлей наживы») даетъ возможность свободнаго исполненія музыкальных произведеній въ церквахъ при богослуженіи, чѣмъ нанесенъ будетъ существенный ударъ развитію церковной музыки ²⁾.

Нечего и говорить, что въ одномъ случаѣ ст. 48 и 50 не могутъ быть примѣнены и композиторъ обладаетъ исключительнымъ правомъ на публичное исполненіе—пока онъ не выпустилъ въ свѣтъ своего произведенія. Исполненіе безъ согласія композитора по не выпущенной еще въ свѣтъ рукописи было бы во всякомъ случаѣ нарушеніемъ авторскаго права (ср. п. 3 ст. 4, ст. 27). ³⁾

Ст. 51 въ связи съ ст. 55 даетъ художникамъ то право, котораго они уже давно добиваются и которое до самаго послѣдняго времени они даже на Западѣ не повсюду имѣли: отчужденіе художественнаго произведенія не переноситъ на приобретателя права повторенія, размноженія или изданія произведенія. Во Франціи вопросъ этотъ былъ очень споренъ, и художники сплошь и рядомъ лишались большихъ доходовъ, такъ какъ суды предоставляли это цѣнное право приобретателямъ художественныхъ произведеній, чѣмъ пользовались торговцы картинами, покупая картину (или иное художественное произведеніе) за сравнительно невысокую цѣну и зарабатывая потомъ на механическомъ размноженіи ея

ten u. Musikverleger). По ихъ образцу учреждено было такое общество и въ Германіи.

¹⁾ Любопытно, что мотивы къ австрійскому закону даже утверждаютъ, что тамъ, гдѣ «оговорка» установлена закономъ, ею почти никогда не пользуются для большинства композицій. Она встрѣчается лишь при большихъ оркестровыхъ или хорovýchъ произведеніяхъ (W g e t s c h k o, Das Gesetz v. 1895 betr. d. Urheberrecht стр. 65). Въ пользу отмены «оговорки» на музыкальныхъ произведеніяхъ высказался и парижскій конгрессъ 1896 г. Въ новой редакціи бернской конвенціи отъ 13 ноября 1908 г. ст. 11, ч. 3, уже въ положительной формѣ отказывается отъ требованія «оговорки».

²⁾ Ограниченіе, содержащееся въ ст. 50, имѣется однако и въ германскомъ зак., но п. тамъ вызвало серьезную критику, ср. Kohler, Urheberrecht, стр. 201 сл. Франціи и Италіи оно неизвѣстно.

³⁾ Лучше было бы, если бы нашъ законъ во избѣжаніе недоразумѣнія оговорилъ въ ст. ст. 48 и 50, что онѣ касаются лишь появившихся въ свѣтъ произведеній (такъ герм. зак. § 27, австрійскій § 34).

(олеографіи, литографіи и проч.) громадные деньги. И только новый законъ 9 апрѣля 1910 г. постановилъ, что отчужденіемъ художественнаго произведенія еще не переходитъ на приобретателя право репродукціи ¹⁾. Нашъ законъ, слѣдовательно, тутъ находится «на высотѣ времени» ²⁾. Но онъ и тутъ не совсѣмъ на ней удержался.

Уже слѣдующая ст. 56—промахъ. Вопреки господствующему мнѣнію въ литературѣ авторскаго права и въ законодательствахъ, ст. эта (какъ и нашъ старый законъ: ст. 39 прил. къ ст. 420) не признаетъ нарушеніемъ авторскаго права на художественныя произведенія: «1) изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи». Совершенно непонятно, почему всякій, даже самый посредственный живописецъ защищенъ отъ непрошенныхъ повтореній и размноженій, между тѣмъ какъ Родэнъ или Клингеръ должны терпѣть, чтобы произведенія ихъ генія распространялись въ плохихъ репродукціяхъ, если послѣднія только сдѣланы на плоскости. Переводъ художественнаго произведенія изъ области живописи въ область ваянія или (что практически, конечно, большее значеніе имѣетъ) наоборотъ аналогиченъ переложенію музыкальнаго произведенія на другіе инструменты (ст. 42) или драматизаціи повѣствовательнаго произведенія (ст. 31). Если эти переложенія и драматизаціи составляютъ содержаніе авторскаго права, то и первый долженъ быть сюда причисленъ. Составителями нашего закона и тутъ руководило представленіе, что художника, изображающаго скульптурное произведеніе въ живописи, какъ и скульптора, изображающаго картину пластично, необходимо охранить, какъ производящихъ самостоятельный художественный трудъ. Но то, что сущность искусства, художественная идея, здѣсь просто заимствована у другого и что эта идея существуетъ независимо отъ формы и пространства,—это упустили изъ виду.

Несправедливое ограниченіе авторскаго права на художественныя произведенія заключается въ себѣ и п. 4 ст. 56, по которой «помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности» не признается нарушеніемъ авторскаго права. Этой точки зрѣнія придерживался прусскій законъ—1837 г. Теперь уже давно отъ этого отказались. У насъ же въ 1911 г. считаютъ нужнымъ вернуться къ давно покинутому взгляду. Этимъ поста-

¹⁾ Объ этомъ зак. см. Annales de droit commerc. 1911 № 1 стр. 59 сл. Въ Австріи уже зак. 1895 г. (§ 18) содержитъ аналогичное постановленіе, герман. зак. 1907 г. § 10. О другихъ правахъ см. Kohler, Kunstverkrecht (1908), стр. 86 прим. 20.

²⁾ Конечно, «собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ допускать художника къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его» (ст. 53)—это само собою разумѣется, вытекающая изъ права собственности. Если однако, художнику удастся помимо или противъ воли собственника овладѣть своимъ произведеніемъ для повторенія и проч., то результатъ этого (копія и проч.) будетъ на основаніи ст. 51 исполнѣнъ правомѣренъ, и художникъ будетъ только отвѣтственъ за нарушеніе владѣнія или собственности.

новлениемъ можетъ быть причиненъ крупный вредъ художественнымъ интересамъ авторовъ. Воспроизведение и массовое распространение въ издѣлїяхъ промышленности хотя бы только и части художественнаго произведїя съ упоминаніемъ имени художника можетъ быть столь тягостно послѣдному, можетъ представить его художественное произведение въ такомъ непривлекательномъ, искаженномъ видѣ и причинить ему этимъ такой моральный (но и имущественный) вредъ, что должны были бы быть очень вѣскїя причины для подобнаго ограниченїя авторскаго права¹⁾. Такихъ причинъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ—указаніе на интересы развитїя прикладнаго искусства неправильны. Современное прикладное искусство тамъ, гдѣ оно достигло теперь высшаго развитїя (въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ), развилось независимо отъ чистаго искусства, да и содѣйствовать его развитію такимъ путемъ, что ему разрѣшено будетъ безнаказанно присвоивать себѣ идеи художниковъ, врядъ ли удастся: форма, въ которую эти идеи выльются при перенесенїи ихъ на предметъ промышленности, все же можетъ быть столь неудачной, что о развитїи прикладнаго искусства рѣчи не будетъ. Гораздо лучше защитилъ бы нашъ законъ интересы прикладнаго искусства, если бы онъ (по образцу французскаго закона 11 марта 1902 г. или германскаго 1907 г. § 2) распространилъ защиту авторскаго права и на объекты прикладнаго искусства (Kunstgewerbe)²⁾. Теперь же приходится послѣднимъ отказывать и нецѣлесообразно, и къ тому же создаетъ еще одно лишнее затрудненіе: отграниченіе чисто художественныхъ произведѣній отъ художественно-промышленныхъ не легко.

Ст. 52 во второй части касается какъ будто и права на собственное изображеніе (*propriété exclusive des traits du visage*), такъ какъ предоставляетъ право повторять, выставлять и издавать портреты и бюсты исключительно самимъ изображенными лицамъ (или ихъ наслѣдникамъ). Но такъ какъ 2 ч. этой статьи лишь исключеніе изъ первой части, а первая часть говоритъ только о заказанныхъ произведѣнїяхъ, то, очевидно, это право предоставлено изображенному лишь въ случаѣ заказа (имъ или къмъ-либо другимъ) портрета или бюста; такимъ образомъ, значеніе всего постановленїя значительно суживается. Еще уже право на заказанный фотографическій портретъ (ст. 59 ч. 2). Во-первыхъ, оно принадлежитъ не самому изображенному, а только заказчику (что

не всегда одно и то же), во-вторыхъ, какъ будто только ему, а не его наслѣдникамъ, въ-третьихъ, неясно, предоставлено ли и ему право выставлять портретъ, или послѣднее остается за фотографомъ. Однако, такъ какъ по ст. 6 авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ, статья же 59 предоставляетъ заказчику авторское право на портретъ, то слѣдовательно, по смерти этого лица право на портретъ переходитъ къ его наслѣдникамъ. Это само собою разумѣется, и особое упоминаніе о наслѣдникахъ дѣйствительно было бы совершенно излишне¹⁾. Что же касается права выставлять портретъ, то хотя авторское право по ст. 2 заключаетъ въ себѣ права опубликовать произведѣнїя, выставка же портрета равна публикаціи его, тѣмъ не менѣе въ виду прямого постановленїя п. 2 ст. 62 право выставлять портретъ на публичной выставкѣ не принадлежитъ заказчику. Получается, слѣдовательно (весьма существенная!) разница между ст. 52 и 59: въ первой субъектъ права—само избирательное лицо, во второй—заказчикъ, тамъ всякая выставка портрета—исключительное право изображеннаго, здѣсь помѣщеніе портрета, по крайней мѣрѣ на публичной выставкѣ, свободно.

Глава 7 (ст. 66—75) объ «издательскомъ договорѣ» является лишь сокращеннымъ²⁾ переводомъ германскаго закона объ издательскомъ правѣ (*Gesetz über das Verlagsrecht*) 1901 г. съ нѣкоторыми измѣненїями. Желательно было бы изучать и опубликовать обычаи русскаго издательскаго дѣла, дабы на ихъ основанїи можно было пополнять пробѣлы закона. Въ нынѣшнемъ видѣ онъ нуждается во всякомъ случаѣ еще въ очень подробномъ изученїи и комментированїи, чтобы удовлетворить потребностямъ какъ авторовъ, такъ и издателей. Права и обязанности тѣхъ и другихъ недостаточно выяснены, своеобразная отношенїя журнальнаго (газетнаго) издательскаго договора совсѣмъ обойдены и т. д. Правда, въ Россїи въ настоящее время издательскїй договоръ еще не играетъ большой роли³⁾ и большинство книгъ сдается лишь на комиссію (для которой, конечно, примѣняются общїя постановленїя о договорѣ комиссіи), но все же слѣдовало обратить вниманіе уже теперь на издательскїя отношенїя. Законы не пишутся только для сегодняшняго дня—и если современемъ, съ развитїемъ издательскаго дѣла, придется руководиться скудными нормами

¹⁾ Другое дѣло фотографїя. Стоя между искусствомъ и ремесломъ, она вообще пользуется меньшей защитой закона, чѣмъ художественныя произведѣнїя; поэтому можно и согласиться съ ст. 62 п. 4.

²⁾ Указанный французскїй законъ выражается такъ: *Le même droit (de propriété artistique) appartient aux sculpteurs et dessinateurs d'ornemens quelques soient le mérite et la destination de l'oeuvre*. Въ Данїи новый законъ 1908 г. также распространилъ защиту авторскаго права и на прикладное искусство (см. *Droit d'auteur* за 1908 г. стр. 43 сл.). Ср. еще ст. 2 ч. 4 пересмотрѣнной бернской конвенціи (1908 г.) и *Droit d'auteur* за 1909 г. стр. 113 сл., 125 сл.

¹⁾ Редакція закона въ этомъ отношенїи не всегда безупречна. Такъ ст. 27 говоритъ лишь объ авторѣ, статья же 31 имѣетъ въ виду автора «или его наслѣдниковъ». Конечно, послѣдняя прибавка излишня, такъ какъ по смыслу ст. 6 въ обоихъ случаяхъ надо подъ авторомъ подразумѣвать и его наслѣдниковъ. Ср. также, съ одной стороны, ст. 33 ч. 1, съ другой—ст. 36 и др. Наоборотъ, прибавленїе въ ст. 21—32 и др. къ слову авторъ словъ или его правопреемниковъ не излишне, такъ какъ подъ послѣдними понимаются не только наслѣдники, но и другіе (сингулярные) правопреемники, напр., издатели.

²⁾ 11 статей вмѣсто 50 въ германскомъ законѣ!

³⁾ Шершеневичъ, «Курсъ торговаго права», стр. 585.

закона 15 марта, то суды очутятся въ затруднительномъ положеніи.

Я ограничусь указаніемъ на ст. 67 и 68. Ст. 67 запрещаетъ категорически переуступку издательскаго права безъ согласія автора (или его правопреемниковъ)¹⁾. Между тѣмъ есть случай, не предусмотрѣнный закономъ, гдѣ такая переуступка должна быть тѣмъ не менѣе допущена при обсужденіи всего издательскаго предпріятія цѣликомъ. Здѣсь переуступка необходима, иначе было бы немисливо существованіе издательскихъ предпріятій. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ согласія автора на переходъ издательскаго договора, возникаетъ вопросъ, кто отвѣтственъ передъ авторомъ — одинъ лишь новый пріобрѣтатель, или только первоначальный издатель, или оба вмѣстѣ, какъ солидарные должники. Германское право (§ 28 ч. 2 издательскаго закона) разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. У насъ, однако, необходимо придти къ первому выводу — отвѣтственнымъ является лишь новый издатель, такъ какъ солидарная отвѣтственность за отсутствіемъ спеціального постановленія въ законѣ не предполагается, отвѣтственность же одного перваго издателя противорѣчила бы цѣли переуступки издательскаго договора.

По ст. 68 издательскій договоръ по заявленію автора прекращается, если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе 3 лѣтъ. Но какое же значеніе имѣетъ неисполненіе издателемъ обязанности выпустить произведеніе въ свѣтъ въ соотвѣтствующей обстановкѣ и въ срокъ? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: авторъ еще не имѣетъ здѣсь права отступленія отъ договора, а можетъ лишь требовать исполненія договора и убытковъ²⁾. Это рѣшеніе нашего закона надо признать крайне непрактичнымъ и тяжелымъ для авторовъ. Гораздо цѣлесообразнѣе постановленія германскаго издательскаго закона: § 15 — издатель обязанъ приступить къ размежеванію произведенія немедленно по полученіи послѣдняго, § 45 — если газетная или журнальная статья не будетъ въ теченіе года со времени доставки ея издателю опубликована, то авторъ можетъ заявить объ отступленіи отъ договора. У насъ же законъ не только не различаетъ между обычнымъ издательскимъ договоромъ и договоромъ съ газетой или журналомъ, но и въ обоихъ случаяхъ ставитъ автора въ слишкомъ большую зависимость отъ изданія, предоставляя послѣднему фактически (въ слѣдствіе спорности понятія «соотвѣтствующаго обстоятельства срока») возможность оттягивать появленіе произведенія до 3-хъ лѣтъ. Въ виду этого можно только совѣтовать нашимъ авторамъ добиваться предварительнаго соглашенія съ издателемъ насчетъ срока изданія.

Вопросу кинематографіи, составляющей теперь на Западѣ крупную отрасль промышленности, нашъ законъ непонятнымъ образомъ совершенно не

посвятилъ вниманія. Между тѣмъ по почину французскаго правительства при пересмотрѣ бернской конвенціи въ 1908 г. принята была ст. 14, спеціально посвященная кинематографіи, и соотвѣтственно этой статьѣ измѣненъ былъ (22 мая 1910 г.) и германскій законъ 1901 г. — къ его § 12 прибавленъ былъ п. 6: авторское право распространяется также на воспроизведеніе литературнаго произведенія кинематографическимъ путемъ. Вслѣдствіе этого измѣненъ былъ и § 14 того же зак. и § 15 зак. 1907 г. (объ авторскомъ правѣ на произведенія искусства).

Въ авторскомъ правѣ кинематографія вызываетъ, главнымъ образомъ, слѣдующій вопросъ. Можно ли воспроизводить этимъ путемъ литературное воспроизведеніе? По нашему праву приходится отвѣтить на это утвердительно, даже передѣлка повѣствовательнаго произведенія для кинематографа должна быть допущена. Подъ публичнымъ исполненіемъ въ смыслѣ ст. 47 нельзя понимать такое и тѣмъ ое исполненіе — картина драмы, даваемая кинематографомъ, не можетъ быть отождествлена съ драматическимъ дѣйствіемъ (исключеніе составляетъ пантомима: ее нельзя безъ согласія автора публично исполнять въ кинематографѣ). Передѣлка въ драматическую форму (ст. 31) по той же причинѣ не можетъ обнимать и кинематографическое исполненіе. Наконецъ, воспроизведеніе въ смыслѣ ст. 2 отнюдь не равносильно переносу произведенія на кинематографическую ленту (film). Остается, слѣдовательно, пожертвовать интересами авторовъ ради интересовъ «иллюзіонеровъ» и фабрикантовъ кинематографовъ!¹⁾

Ф. С. Шендорфъ.

Запродажныя за надѣльную землю.

Со времени восполнѣдванія Высочайшаго указа 9 ноября 1906 г. и послѣ вступленія въ силу закона 14 іюня 1910 г. стали совершаться какъ у нотаріусовъ, такъ и нерѣдко въ волостныхъ правленіяхъ, а также безъ участія этихъ учрежденій запродажныя на надѣльные земли. Эти запродажныя, сами по себѣ обезпечивающія исполненіе договора купчей крѣпости въ гражданскомъ быту городского населенія, представляютъ собою явленіе крайне печальное въ средѣ крестьянской.

Утрачивается самое значеніе запродажной, какъ способа обезпеченія договора. Все чаще и чаще запродажная дѣлается однимъ изъ средствъ выманить у легковѣрнаго крестьянина большую или меньшую сумму денегъ обѣщаніемъ продать землю. Очень часто вѣтъ еще укрѣпительныхъ документовъ. Но обращаются къ нотаріусу.

¹⁾ См. однако § 28 германскаго издательскаго закона.

²⁾ „Недоумѣнія“ г. Канторовича (ук. соч., стр. 262, 263) этого вопроса, такимъ образомъ, совсѣмъ напрасны.

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Cour de Paris 12 мая 1909 г., противъ него см. Droit d'auteur 1909 г., стр. 96. Иначе приведенныя у Cohn'a (Das Kinematographenrecht, 1909 г., стр. 23 сл.) рѣшенія французскихъ судовъ въ пользу авторовъ и противъ кинематографовъ, съ наложеніемъ на послѣднихъ обязанности платить убытки до 1500 фр.

Самое участіе нотаріуса придаетъ неопытному и малограмотному крестьянину увѣренность въ томъ, что сдѣлка, совершенная у нотаріуса, не можетъ ему принести ущербъ.

Составляется запродажная.

Вооружившись документомъ, покупатель убѣжденъ въ томъ, что земля останется за нимъ.

Но наступаетъ срокъ совершенія купчей крѣпости. Продавецъ заявляетъ, что у него нѣтъ еще укрѣпительнаго или удостовѣрительнаго документа на продаваемую землю.

При этомъ иногда оказывается, что онъ даже не принималъ никакихъ мѣръ къ полученію такого документа.

Бываетъ, что документъ изготовленъ; но запродажная заключается уже съ другимъ лицомъ, которое въ свою очередь подчасъ дѣлается жертвой челоуѣка, хорошо понявшаго, какую пользу можно извлечь изъ закона, недостаточно приспособленнаго къ сохранившимся особенностямъ крестьянскаго землевладѣнія.

Послѣ второй жертвы при ловкости продавца и при нѣкоторой молчаливой заботности покупателя на ту же удочку могутъ попасть еще новыя лица. При существующей простотѣ нравовъ продавецъ часто довольно цинично заявляетъ отказъ свой отъ совершенія купчей крѣпости, несмотря на полученіе нѣсколькихъ кровныхъ сотъ рублей отъ покупателя.

Правда, обманутый покупатель имѣетъ право иска объ уплатѣ аванса или же задатка въ двойномъ размѣрѣ либо даже неустойки.

Но взыскаіііе не можетъ быть обращено на надѣльное, самое цѣнное, имущество продавца.

Остается ожидать возмѣщенія ущерба въ теченіе десятковъ лѣтъ путемъ продажи малоцѣннаго имущества должника.

Но даже съ этой стороны ожидается разочарованіе.

Законы 9 ноября 1906 г. и 14 іюня 1910 г. настолько просвѣтили крестьянъ, что многіе изъ нихъ теперь не боятся никакихъ взысканій. Крестьяне поняли, что они, имѣя право продавать земли и въ то же время получать впередъ деньги за эту землю, имѣютъ право послѣ полученія денегъ земли не отдавать и что самыя деньги могутъ остаться у нихъ, такъ какъ отъ всякихъ взысканій на запродажныя надѣльныя земли въ силу 20 ст. общ. пол. о кр. они ограждены.

Законъ, предоставляя съ одной стороны крестьянамъ право продавать свои земли, освобождаетъ ихъ фактически отъ обязанности возратить деньги, полученные ими въ виду выраженнаго ими желанія продать свое имущество.

Съ государственно-правовой точки зрѣнія такое явленіе невозможно.

Замѣтка эта вызвана не теоретическими соображеніями, а наглядными примѣрами. Ко мнѣ, какъ повѣренному, живущему въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ центральной губерніи, въ «мужичьемъ царствѣ», обнищавшіе и обманутые при такихъ условіяхъ крестьяне приходятъ постоянно, и, стоя на почвѣ закона, я обыкновенно ничѣмъ не могу имъ помочь.

Покупаютъ землю не только кулаки, а и другія лица: продавшіе свою землю, возвратившіеся переселенцы.

Необходимо издать новый законъ, по которому крестьяне, получившіе по запродажной на надѣльную землю деньги, не могутъ быть освобождены отъ гражданской отвѣтственности передъ покупателемъ своею, той же надѣльной землей: та надѣльная земля, на которую составлена запродажная, подлежитъ продажѣ по взысканію покупателемъ убытковъ съ неисправнаго контрагента-продавца.

А. фонъ-Гибиманъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 132. 1 іюля 1911 г.

Ст. 1273. Объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ командирамъ ротъ крѣпостной и осадной артиллеріи и объ установленіи производства порціонныхъ денегъ офицерамъ и класснымъ чинамъ крѣпостной артиллеріи съ отѣбною одновременно послѣдовавшихъ узаконеній объ отпускѣ того же довольствія чинамъ михайловской, свеаборгской, кронштадтской и выборгской крѣпостныхъ артиллерій.

Ст. 1274. О цѣнахъ процентныхъ бумагъ для исчисления пошлины съ безмезднаго ихъ перехода на второе полугодіе 1911 г.

Ст. 1275. О цѣнахъ процентныхъ бумагъ, назначенныхъ на второе изданіе 1911 года для пріема въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза и таможенныхъ сборовъ.

№ 133. 5 іюля 1911 г.

Ст. 1276. Объ отчужденіи земли для сооруженія желѣзнодорожной линіи отъ станціи Бердяушъ, самаро-златоустовской жел. дор., до станціи Лыска, пермской жел. дор.

Ст. 1277. Объ отчужденіи земли для сооруженія желѣзнодорожной линіи отъ балашинской мануфактуры въ московской губ. и уѣздѣ, до развѣзда Ретутово, московско-нижегородской жел. дор.

Ст. 1278. Объ отчужденіи земли для сооруженія электрической желѣзной дороги отъ черты города Москвы до Сергіевскаго посада, московской губерніи.

Ст. 1279. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ тобольской губерніи для сооруженія желѣзнодорожной линіи.

Ст. 1280. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, для сооруженія желѣзнодорожной линіи.

Ст. 1281. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ Кубанской области для сооруженія желѣзнодорожной линіи.

Ст. 1282. Объ отчужденіи земли въ предѣлахъ таврической губерніи для сооруженія желѣзной дороги отъ гор. Севастополя до гор. Алусты.

Ст. 1283. Объ отчужденіи земли для сооруженія желѣзнодорожной вѣтви отъ ертильскаго свеклосахарнаго завода, въ бобровскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, до станціи Мордово, юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Ст. 1284. О производствѣ выборовъ одного члена государственной думы отъ первого разряда городскихъ избирателей гор. С.-Петербурга.

Ст. 1285. О принятіи саратовскаго аэро-клуба подъ августѣйшее покровительство Его Император-

скаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича.

Ст. 1286. Обь открытіи тетіевскаго сельскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденіи Императрицы Маріи въ м. Тетіевкѣ, таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи.

№ 134. 6 іюля 1911 г.

Ст. 1287. О продажѣ участка земли изъ ординаціи графа Маврикія-Игнатія-Теодора-Клеменса Замойскаго, близъ г. Томашева, люблинской губерніи, для устройства помѣщеній для 17 томашевской пограничной бригады.

Ст. 1288. О передачѣ вице-адмиралу Сарнавскому особыхъ полномочій въ отношеніи севастопольскаго градоначальства.

Ст. 1289. О производствѣ всероссійскаго вѣнперковнаго сбора пожертвованій на ремонтъ новгородскаго николаевскаго дворницкаго собора.

Ст. 1290. О выпускѣ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ седьмой серіи 5% свидѣтельствъ на 100 милліоновъ рублей.

Ст. 1291. Обь установленіи особаго брейдль-вымпела флагъ-капитана Его Императорскаго Величества.

№ 135. 8 іюля 1911 г.

Ст. 1292. Обь утвержденіи рисунковъ гербовъ городовъ: Владиміра-Волынскаго, Луцка и Дубно, волинской губерніи.

Ст. 1293. Обь учрежденіи въ гор. Шумѣ, елисаветпольской губерніи, двухъ должностей старшихъ городовыхъ.

Ст. 1294. Обь учрежденіи въ мѣст. Киловарта, при селеніи Гвимеві, Шорананскаго уѣзда, кутаисской губерніи, одной должности младшаго пѣшаго полицейскаго стражника.

Ст. 1295. Обь учрежденіи на постройкѣ армавирь-туапсинской желѣзной дороги должности старшаго и пяти должностей младшихъ пѣшихъ полицейскихъ стражниковъ.

№ 136. 9 іюля 1911 г.

Ст. 1296. Обь отводѣ въ аренду акціонерному обществу „Гергардъ и Гей“ участка земли въ с.-петербургскомъ торговомъ портѣ подь устройство амбара и складовъ съ холодильникомъ для храненія яицъ, масла и другихъ товаровъ.

Ст. 1297. Обь учрежденіи при петровско-александровскомъ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ въ городѣ Москвѣ трехъ должностей врачей-консультантовъ.

Ст. 1298. О включеніи въ черту гор. Ялты дер. Верхней Аутки и Ливадійской слободки.

Ст. 1299. Обь утвержденіи росписаній цѣнамъ на лошадей и другихъ рабочихъ животныхъ, поставляемыхъ въ войска при мобилизаціи съ 1911 г.

Ст. 1300. О разрѣшеніи гор. Харькову выпуска облигаціоннаго займа въ 6.200.000 рублей нарицательныхъ.

Ст. 1301. О разрѣшеніи посаду Клинцамъ выпуска облигаціоннаго займа въ 120.000 рублей нарицательныхъ.

№ 137. 12 іюля 1911 г.

Ст. 1302. О преобразованіи села Балакова, николаевскаго уѣзда, самарской губерніи, въ городъ, съ введеніемъ въ немъ упрощеннаго городского общественнаго управленія.

Ст. 1303. О переводѣ причта церкви во имя Св. Николая при дерянинскихъ казармахъ въ штатъ духовенства сооружаемаго храма-памятника морякамъ, погибшимъ въ русско-японскую войну.

Ст. 1304. Обь утвержденіи списка подлежащихъ безошадному пропуску изъ за границы препаратовъ, служащихъ для предупрежденія или леченія болѣзней виноградной лозы и плодовыхъ деревьевъ.

Ст. 1305. Обь изданіи новаго списка завѣдомо нефтеносныхъ земель терскаго казачьяго войска.

№ 138. 12 іюля 1911 г.

Ст. 1306. Обь утвержденіи временныхъ правилъ о выдачѣ суду подь деревянныя парусныя суда,

предназначаемыя для плаванія въ прибрежныхъ водахъ приамурскаго генераль-губернаторства.

Ст. 1307. Обь учрежденіи въ составѣ томской городской полицейской команды одной должности городского.

Ст. 1308. Обь учрежденіи въ составѣ полицейской команды города Екатеринослава четырехъ должностей городовыхъ.

Ст. 1309. О выдѣленіи низовскаго сельскаго общества изъ состава читканской волости, баргузинскаго уѣзда, въ самостоятельное на правахъ волости сельское общество.

Ст. 1310. Обь утвержденіи правилъ относительно взысканія денежнаго сбора съ лицъ, пріѣзжающихъ въ теченіе лѣтняго сезона въ г. Гапсаль.

Ст. 1311. Обь учрежденіи при судженскихъ каменноугольныхъ копяхъ одной должности полицейскаго урядника и двухъ должностей пѣшаго полицейскаго стражника.

Ст. 1312. О перечисленіи дер. Рыковской изъ марьинской волости, киренскаго уѣзда, въ макаровскую волость того же уѣзда.

Ст. 1313. Обь измѣненіи ст. 25 инструкціи 5 октября 1905 года о порядкѣ продажи лѣса и лѣсныхъ матеріаловъ съ участковъ, отведенныхъ крестьянамъ вологодской, вятской, олонечкой и пермской губерній въ земельный надѣлъ для полеводства по подсѣчной (переложной) системѣ.

Ст. 1314. Обь утвержденіи инструкціи виндавской врачебно-наблюдательной станціи и кронштадтскаго врачебно-наблюдательному пункту.

№ 139. 15 іюля 1911 г.

Ст. 1315. О продленіи на 1911 годъ порядка утвержденія торговъ по интендантскому вѣдомству.

Ст. 1316. Обь измѣненіи положенія обь экономическомъ обществѣ офицеровъ войска донскаго.

Ст. 1317. О переименованіи состоящаго при С.-Петербургскомъ портѣ бассейна для производства опытовъ по постройкѣ судовъ въ опытовый судостроительный бассейнъ и обь утвержденіи положенія и временнаго штата сего бассейна.

Ст. 1318. Обь измѣненіи устава частнаго мужскаго трехкласснаго коммерческаго училища А. А. Ежовскаго въ гор. Варшавѣ.

Ст. 1319. О дополненіи правилъ о нормальныхъ размѣрахъ убыли въ вѣсѣ грузовъ при перевозѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

«Освѣдомительное Бюро сообщаетъ»:

„Послѣ рождественскихъ вакацій профессорами женскаго медицинскаго института не было возобновлено чтеніе лекцій, какъ то слѣдуетъ изъ донесеній бывшаго директора института, а совѣтомъ института не было принято никакихъ мѣръ для возобновленія правильнаго теченія учебной жизни. Когда же совѣту института министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено озаботиться возобновленіемъ занятій, совѣтъ отказался принять какія бы то ни было для сего мѣры и лишь впоследствии, благодаря настоятельнымъ требованіямъ министерства, занятія въ институтѣ все-таки возобновились 18 апрѣля и продолжались, при минимальномъ количествѣ слушательницъ (менѣе 30 изъ общаго числа ихъ), до конца полугодія, продленнаго совѣтомъ института до 15 іюля. Однако и тогда нѣкоторая часть профессорскаго состава, какъ это явствуетъ изъ донесеній институтской администраціи, вовсе не возобновила занятій по своимъ курсамъ.

Въ виду того, что профессора женскаго медицинскаго института, существующаго, главнымъ образомъ на ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства (139 тысячъ рублей), состоятъ на дѣйствительной государственной службѣ, и что посему подобное отношеніе ихъ къ служебному долгу безусловно недопустимо, министромъ народнаго просвѣ-

щения предложено начальству с.-петербургскаго учебного округа поставить о семъ въ известіи всѣхъ членовъ совѣта, на который возлагалась отвѣтственность за будущее института, а членамъ совѣта, которые и не прочитали въ теченіе всего осенняго полугодія, съ января по іюль мѣсяцъ, ни одной лекціи и не вели клиническихъ занятій, а именно—ординарнымъ профессорамъ Левину, Тилле, Хлопину и экстраординарнымъ профессорамъ Чистовичу, Виноградову и Саввантову предложить теперь же подать прошенія объ отставкѣ, дабы министерство могло освободить ихъ отъ обязанностей, которыя они не пожелали выполнять*.

Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія исключены всѣ слушательницы женскаго медицинскаго института, не явившіяся на занятія не только въ теченіе осенняго семестра, но не пожелавшія, несмотря на предъявленныя къ нимъ требованія, приступить къ занятіямъ послѣ 18 апрѣля до конца семестра, продленнаго совѣтомъ института до половины іюля. Распоряженіе не коснулось лишь 27 слушательницъ, подчинившихся требованію.

Въ виду ожидавшихся въ весеннемъ полугодіи минувшаго академическаго года попытокъ нарушить правильное теченіе учебныхъ занятій въ университетахъ, циркуляромъ 3 января сего года, за № 192, министерство народнаго просвѣщенія предложило совѣтамъ университетовъ безотлагательно выработать мѣры для установленія дѣйствительнаго надзора за учащимися и своевременнаго привлеченія къ отвѣтственности нарушителей порядка.

Вслѣдствіе этого, въ различныхъ университетахъ, сообразуясь съ мѣстными условіями, были выработаны и приняты разныя мѣры, способствовавшія почти повсемѣстному сохраненію порядка и поддержанію правильного теченія учебныхъ занятій,—за исключениемъ лишь немногихъ университетскихъ городовъ, въ томъ числѣ и С.-Петербурга, гдѣ были сдѣланы наиболее серьезныя попытки къ насильственному проведенію, такъ называемой, забастовки. Именно въ с.-петербургскомъ университетѣ этимъ попыткамъ и не было противопоставлено, несмотря на указанія вышеупомянутаго циркуляра, никакихъ заранѣе выработанныхъ учебныхъ начальствомъ мѣръ. Совѣтъ университета только лишній разъ выказалъ свою полную безпомощность въ борьбѣ съ безпорядками, и относительное спокойствіе въ университетѣ,—дозволившее возобновить прерванное было чтеніе лекцій, довести весеннее полугодіе до конца и произвести установленныя исчисленія,—было возстановлено исключительно лишь благодаря мѣропріятіямъ вышней полицейской власти, противъ которыхъ возражало университетское начальство, считая закрытіе университета единственнымъ средствомъ для сохраненія порядка.

Между тѣмъ, нынѣ совѣтъ названнаго университета, въ засѣданіи 16 мая, согласно предложенію совѣтской комиссіи, возбудилъ ходатайство объ отѣнѣ мѣръ, предписанныхъ въ постановленіи совѣта министровъ отъ 4 января сего года, а равно объ ускореніи пересмотра дѣлъ объ уволенныхъ изъ университета студентахъ.

Такимъ образомъ, совѣтъ с.-петербургскаго университета, совершенно, повидимому, не интересуясь необходимой выработкой дѣйствительныхъ мѣръ для установленія надзора за учащимися и предупрежденія безпорядковъ, въ то же время озабоченъ лишь скорѣйшимъ дозволеніемъ студенческихъ сходокъ и возвращеніемъ въ университетъ лицъ, уволенныхъ за безпорядкомъ.

Вслѣдствіе этого, министерство народнаго просвѣщенія, совершенно не усматривая въ ходатайствѣ с.-петербургскаго университета залога правильнаго теченія университетской жизни и опасаясь даже, что его удовлетвореніе привело бы немедленно къ повторенію тѣхъ явленій, которыя позорятъ нашу

высшую школу, отклонило это ходатайство за полной его преждевременностью, съ повтореніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своего предложенія озаботиться, на случай новыхъ попытокъ къ производству безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ предстоящемъ академическомъ году, принятіемъ всѣхъ мѣръ, способныхъ парализовать старанія зачинщиковъ безпорядковъ и забастовокъ, дабы послѣдніе не оказались лишній разъ хозяевами въ университетѣ, гдѣ самоуправленіе даровано учащимъ, но не учащимся.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

(Дѣло о подлоте духовнаго завѣщанія).

(Продолженіе ¹).

Супруга подсудимаго Н. Д. Вонлярлярская въ судѣ явиться не могла по болѣзни и прислала просьбу объ оглашеніи показаній, данныхъ ею на предварительномъ слѣдствіи.

Изъ показаній свидѣтельницы видно, что, услышавъ отъ мужа рассказъ о родствѣ съ Огинскими впервые по возвращеніи его изъ Гааги, т. е. осенью 1907 г., она затѣмъ вскорѣ увидѣла у мужа прис. пов. Пилецкаго, который, по словамъ мужа, и сообщилъ ему о родствѣ съ Огинскими—въ Парижѣ въ ресторанѣ Пайера.

Пилецкій подтвердилъ это и сообщилъ, что къ нему являлся Н. М. Вонлярлярскій и спрашивалъ совѣта, можно ли воспользоваться хотя бы нѣкоторыми правами по завѣщанію, если завѣщатель, хотя и живъ, но сошелъ съ ума? Тогда же Пилецкій говорилъ, что кн. Огинскаго держатъ въ Герлицѣ сильно и онъ очень беспокоится о судьбѣ своего завѣщанія. Кажется, Пилецкій тогда же говорилъ, что подъ завѣщаніемъ, которое было у Ник. Вонлярлярскаго, въ числѣ другихъ свидѣтельскихъ подписей, была и подпись нѣкоего Ольшевскаго.

Зима 1907—1908 гг. прошла безъ особыхъ событий, а лѣтомъ мужъ показалъ свидѣльницѣ письмо отъ князя изъ Герлица съ приглашеніемъ пріѣхать. Однако, какъ вскорѣ сказалъ ей мужъ, письмо сгорѣло во время кражи изъ барака.

Осенью того же года снова пріѣхалъ Пилецкій и угворилъ Дм. Вонлярлярскаго командировать его въ Герлицъ, дабы дать тамъ князю для подписи прошеніе о переосвидѣтельствованіи, причемъ проектъ этого прошенія былъ составленъ камергеромъ Бютингомъ. Для поѣздки Пилецкаго свидѣльницѣ пришлось заложить свои брилліанты, но вскорѣ отъ Пилецкаго получено было письмо, что, когда для переосвидѣтельствованія все было уже готово, явилась кн. Огинская и увезла мужа въ Ретово.

Въ началѣ февраля 1909 г. мужъ говорилъ свидѣльницѣ, что ксендзы предлагаютъ найти завѣщаніе, если онъ приметъ католичество. И, дѣйствительно, какъ удостовѣряетъ свидѣтельница, въ это время къ мужу стало ходить много ксендзовъ и появилось много книгъ о католицизмѣ—по словамъ Дм. Вонлярлярскаго—данныхъ ему митрополитомъ Внуковскимъ и кан. Карвичемъ.

Въ половинѣ марта Дм. Вонлярлярскій говорилъ своей женѣ, что получилъ отъ гр. Потулицкаго телеграмму съ приглашеніемъ въ Ретово, а вскорѣ получила была телеграмма безъ подписи съ увѣдомленіемъ, что кн. Огинскій скончался, но Дм. Вонлярлярскому все-таки слѣдуетъ ѣхать.

Возвратившись изъ Ретова, Дм. Вонлярлярскій рассказалъ, что былъ принятъ княгиней очень вѣж-

¹) См. № 25—28 „Правда“.

ливо, причемъ она общала съ своей стороны поискать завѣщаніе.

Передавая о дальнѣйшихъ событіяхъ согласно съ тѣмъ, что показывала Е. Д. Данзасъ, свидѣтельница говорить, что въ половинѣ мая Дм. Вонлярлярскій вновь выѣзжалъ въ Варшаву для какихъ-то переговоровъ съ Пилецкимъ. А затѣмъ, по словамъ Дм. Вонлярлярскаго, передаваемымъ свидѣтельницей, прис. пов. Казанджіевъ нашелъ Ольшевскаго и Михаловскаго, и вскорѣ произошелъ совѣстный завтракъ съ гр. Погулицкимъ, причемъ послѣдній произвелъ на свидѣльницу весьма несимпатичное впечатлѣніе.

Вскорѣ Казанджіевъ бросилъ дѣло, и Дм. Вонлярлярскій жаловался, что остался безъ всякихъ средствъ къ розыску завѣщанія.

Свидѣтельница къ этому времени переѣхала въ имѣніе, но въ началѣ августа ее вызвали отсюда извѣстіемъ, что завѣщаніе нашлось; говорили, что оно получено отъ Домбровскаго при посредствѣ Адамчевскаго.

Въ сентябрѣ опять пріѣхалъ Пилецкій и, выразивъ свое неудовольствіе на то, что его не извѣстили о находкѣ и утвержденіи завѣщанія, убѣдилъ Дм. Вонлярлярскаго вновь послать его въ Берлинъ, чтобы записать свидѣльствами доктора на случай спора. На эту повѣзку Пилецкому было дано 1.500 р. Выѣсть съ тѣмъ, онъ говорилъ, что особенно споровъ опасаться не слѣдуетъ, ибо „у него есть на кн. Огинскую узда“.

Въ консультаціяхъ, происходившихъ по дѣлу, руководилъ всѣмъ Вл. Вонлярлярскій, чѣмъ свидѣтельница была очень недовольна, боясь „какъ бы онъ не запуталъ во что-нибудь“ ея мужа. Несимпатиченъ ей былъ и Казанджіевъ, приглашенный Вл. Вонлярлярскимъ. За это время, до ареста, Пилецкій пріѣзжалъ неоднократно.

За день-два до ареста у свидѣтельницы былъ такой разговоръ съ мужемъ: замѣтивъ его блѣдное лицо и удрученный видъ, она спросила его о причинѣ.

— При чемъ тутъ здоровье?—отвѣтилъ Дм. Вонлярлярскій.—Развѣ тебѣ, моя милая, не странно, что я гибну, спасая отца? Ты знаешь, какъ онъ насъ запуталъ денежно.

На просьбу объясниться, Дм. Вонлярлярскій отвѣтилъ:

— Милая, я такъ измученъ—не приставай. Я тебѣ уже сказалъ...

Наканунѣ ареста между отцомъ и сыномъ произошла крупная размова, во время которой свидѣтельница слышала фразу:

— Надо было отдать ксендзу завѣщаніе до суда! Вл. Вонлярлярскій уѣхалъ въѣзденный.

Послѣ полученія повѣстки къ слѣдователю, Дм. Вонлярлярскій уговаривалъ свидѣльницу успокоиться, такъ какъ „судьи—не враги, и на судѣ все выяснится“.

Свидѣтельница убѣждена, что въ завѣщаніи былъ больше заинтересованъ Вл. Вонлярлярскій, дѣла котораго къ этому времени пришли въ полный упадокъ, причемъ до уплаты долговъ не было никакой надежды поправить ихъ.

Свидѣтельница утверждаетъ, что Дм. Вонлярлярскій былъ недоволенъ текстомъ записки о завѣщаніи и сердился на Бородина за то, что тотъ издалъ ее.

Мужа своего свидѣтельница считаетъ человѣкомъ легкомысленнымъ, порою вспыльчивымъ и рѣзкимъ, но добрымъ, отзывчивымъ и благороднымъ.

Въ послѣднемъ своемъ показаніи, отъ 19 сентября 1910 г., свидѣтельница показала слѣдующее: „11 сентября 1910 г. мнѣ было разрѣшено свиданіе съ моимъ мужемъ. Во время свиданія мой мужъ, въ порывѣ отчаянія, со слезами на глазахъ, сознался мнѣ въ подлогѣ завѣщанія и сказалъ, что въ это дѣло втянулъ его отецъ, который затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ и учинилъ этотъ подлогъ“.

Прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, въ связи съ этимъ, просилъ судъ объ оглашеніи показаній подсудимаго Дм. Вонлярлярскаго, данныхъ послѣ 19 сентября.

20 сентября Дм. Вонлярлярскій призналъ себя виновнымъ въ подлогѣ завѣщанія и далъ показанія, уличающія Пилецкаго, причемъ на другіе вопросы отказался отвѣчать.

Равнымъ образомъ, Дм. Вонлярлярскій подтвердилъ слова жены и заявилъ, что „въ настоящее время по вопросамъ виновности въ этомъ дѣлѣ своей и отца“, онъ никакихъ объясненій дать не можетъ. Въ связи съ этимъ пожелалъ дать объясненій подс. Дм. Вонлярлярскій.

Подсудимый, прежде всего, отмѣчаетъ, что ему очень трудно говорить, такъ какъ въ настоящее время жена его настолько больна, что, быть можетъ, ему не придется уже увидѣться съ нею. И это тѣмъ болѣе тяжело подсудимому, что, кромѣ жены, у него въ жизни друзей не было.

Обращаясь къ настоящему дѣлу, подсудимый указываетъ, что онъ и безъ совѣта отца застрѣлился бы, если бы чувствовалъ себя виноватымъ, и въ этомъ отношеніи считаетъ нужнымъ, въ связи съ показаніемъ жены, пояснить слѣдующее:

Послѣ ареста онъ былъ поставленъ въ ужасныя условія: несмотря на всѣ его требованія, слѣдователь уликъ ему не представлялъ и только требовалъ, чтобы подсудимый сознался и выдалъ того, кто имъ руководилъ, ибо, какъ слѣдователь говорилъ, невѣроятно, чтобы подсудимый самъ совершилъ все.

Наряду съ этимъ, подсудимому не давали свиданій, а письма приходили съ значительнымъ опозданіемъ, между тѣмъ, свидѣтелю было извѣстно, что его жена и ребенокъ очень больны. Дѣло дошло до того, что телеграмма о томъ, что „жена его при смерти, предстоитъ серьезная операція“—передана была ему лишь на 10-й день. Совершенно естественно, что состояніе его было ужасно.

Въ сентябрѣ свидѣтелю была предъявлена первая бумага по дѣлу, и онъ сразу увидѣлъ изъ нея, что Пилецкій все время его обманывалъ, и завѣщаніе подложно.

Когда потомъ, 11 сентября 1910 г., къ нему на первое свиданіе явилась жена и онъ узналъ, что ребенокъ его умеръ, а жена рѣшилась на ужасную операцію только потому, что вѣрила въ его невиновность и хотѣла жить, чтобы придти въ судъ и спасти его, когда, вмѣсто здороваго человѣка, онъ увидѣлъ тѣнь, когда онъ при этомъ уже понялъ, что единственнымъ разумнымъ стимуломъ подлога могли быть промессы, подписанныя имъ,—естественно, онъ призналъ себя виновнымъ, но, говоря о своемъ участіи въ преступленіи, онъ не хотѣлъ этимъ сказать, что онъ физически участвовалъ въ подлогѣ.

— Но, какъ же вы объясните, — спрашиваетъ предсѣдатель В. Кудринъ, — вполне опредѣленные слова вашей жены, что вы признаете себя виновнымъ въ подлогѣ, который вы учинили совместно съ вашимъ отцомъ, втянувшимъ васъ въ это дѣло?

— Наше общее состояніе было таково, что жена могла понять мои слова именно такъ...

— Но вѣдь тутъ же говорится вполне опредѣленно объ отцѣ?

— Видите ли,—продолжаетъ подсудимый,—отецъ мой говорилъ здѣсь, что онъ не давалъ мнѣ совѣтовъ. Я все время молчалъ, но могу сказать теперь одно: совѣты видны. Когда я отказалъ Михаловскому въ деньгахъ, отецъ ему послалъ и т. д. А главный совѣтъ—подписать всеподданнѣйшее прошеніе о титулѣ, что я и сдѣлалъ въ лагеряхъ на барабанѣ, а затѣмъ подавъ прошеніе по командѣ, приложивъ къ нему копію завѣщанія. Но я и въ этомъ, впрочемъ, признаю виновнымъ только себя.

— Позвольте, но вѣдь вы же были увѣрены, что завѣщаніе подлинно? Въ чемъ же вы признаете себя виновнымъ?

— Я виновенъ въ томъ, что подлогъ есть!

— Но вѣдь васъ же, подсудимый, обвиняютъ въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Какъ же вы понимаете свою виновность?

— Я говорю, что чувствую въ душѣ. Я не юристъ, законовъ не знаю, и по статьямъ его я не виновенъ!

Въ опросъ подсудимаго вступаетъ членъ суда г. Пороховщикова, но и тутъ опредѣленныхъ обвиненій добиться не удалось. Во всякомъ случаѣ, подсудимый заявилъ, что „слова, сказанныя имъ женой, могли вырваться у него случайно!“.

Прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ интересуется, въ связи съ этимъ, что говорилъ Михаловскій Домбровскому передъ тѣмъ, какъ познать его съ Дм. Вонлярлярскимъ. Послѣ того, какъ этотъ вопросъ повторили нѣсколько разъ, Домбровский отвѣтилъ:

— Михаловскій просилъ меня не проговориться передъ Дм. Вонлярлярскимъ, что завѣщаніе подписано только что.

— Никогда ничего подобнаго я не говорилъ, — возражаетъ Михаловскій, — и вообще я не понимаю, о какихъ подлогахъ тутъ говорить, когда никакого подлога не было!

Вечернее засѣданіе почти цѣликомъ посвящается окончанію допроса прис. пов. Д. Н. Бородина. Стороны стремятся выяснитъ, главнымъ образомъ, вопросъ, объ экспертизѣ, произведенной Буринскимъ, а также о запискѣ, разсылавшейся членамъ госуд. совѣта, министрамъ и др., и о векселяхъ Дм. Вонлярлярскаго, появившихся въ связи съ завѣщаніемъ.

Последніе два вопроса остались невыясненными, такъ какъ оказалось, что свидѣтелю, несмотря на близость его къ дѣламъ Дм. Вонлярлярскаго, неизвѣстны многие факты, раскрытые судебнымъ слѣдствіемъ. Въ частности, по вопросу о запискѣ, свидѣтель твердо установилъ одно обстоятельство, что Дм. Вонлярлярскій полностью соглашался со всеми ея утвержденіями и положеніями, и свидѣтель не знаетъ, почему и когда именно на поляхъ одного изъ экземпляровъ этой записки появились собственноручныя отмѣтки подсудимаго: „невѣрно“, „инсинуація“ и т. д. По вопросу же о векселяхъ окр. судъ постановилъ навести справку въ коммерческомъ судѣ.

Въ отношеніи экспертизы выяснилось, что „послѣ различныхъ манипуляцій съ чернилами“, производившихся экспертомъ, несмотря на то, что экспертировался не подлинникъ-завѣщаніе, а лишь фотографическій снимокъ съ него, экспертъ Буринскій призналъ завѣщаніе подлиннымъ, въ общей сложности получилъ за это 6 тыс. р., причемъ требовалъ даже прибавки, угрожая, въ противномъ случаѣ, „предложить свои услуги противной сторонѣ“.

16 мая, въ пятнадцатый день засѣданій, спб. окр. судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей, вызванныхъ защитой.

Первымъ оглашается показаніе ксендза Гунса, вызваннаго Дм. Вонлярлярскимъ и неявившагося по болѣзни. Свидѣтель этотъ показалъ, что въ концѣ 1906 г. онъ бесѣдовалъ съ кн. В. Огинскимъ, и послѣдній сказалъ, что духовное завѣщаніе имъ составлено и хранится у одного изъ ксендзовъ Екатерининскаго костела въ Петербургѣ.

Тов. прокурора Пенарокова обращаетъ вниманіе суда и присяжныхъ засѣдателей на то, что въ 1906 г. кн. Огинскій былъ уже совершенно боленъ и содержался въ больницѣ.

Изъ оглашеннаго затѣмъ показанія кн. Н. Радзивилла видно, что и ему въ Варшавѣ Дм. Вонлярлярскій говорилъ въ 1908—1909 гг., что кн. В. Огинскій оставилъ ему свое состояніе. Дм. Вонлярлярскій просилъ дать ему рекомендательное письмо въ одну изъ польскихъ библиотекъ для наведенія справокъ о бракѣ одного изъ кн. Огинскихъ съ Теклей Ларской.

Прис. пов. Бацярскаго, показанія котораго также были оглашены, передаетъ, что 25 марта 1909 г. прис. пов. Адамчевскій по телеграфу проситъ его выслать ему затѣмъ-то копию завѣщанія кн. Мих.

Огинскаго. Свидѣтель исполнилъ эту просьбу и вскорѣ Адамчевскій копию завѣщанія вернулъ ему.

Вызванная защитой Вл. Вонлярлярскаго старая гувернантка его семьи Джесси Флеммингъ передаетъ такое обстоятельство. Оказывается, что она слышала отъ Дм. Вонлярлярскаго о пропажѣ письма изъ Герлица еще до своего отъѣзда въ Лондонъ, который состоялся 18 іюня 1908 г., т. е. задолго до кражи изъ барака и до того, какъ Дм. Вонлярлярскій, по его объясненіямъ, получилъ это письмо.

Свидѣтельница отмѣчаетъ разнь, царившую въ семьѣ между родителями и дѣтьми, причемъ послѣднія, а среди нихъ, главнымъ образомъ, Дмитрій Вонлярлярскій были крайне непочтительны къ родителямъ и, называя отца „махровымъ дуракомъ“, говорили, что онъ совсѣмъ недалекій человѣкъ и надъ нимъ слѣдуетъ учредить опеку.

Дм. Вонлярлярскій былъ человѣкомъ самоувереннымъ и ничѣмъ вліяніемъ не покорялся: онъ вѣрилъ въ спиритизмъ и считалъ, что въ немъ живетъ духъ Оттона, императора римскаго.

Отецъ относился къ сыну очень хорошо, давалъ ему 12 тыс. руб. въ годъ, на квартиру, лошадей, экипажи и т. п., давалъ и послѣ разрыва—по 6 тыс. руб. въ годъ, несмотря на то, что дѣла его были уже разстроены и ему приходилось ограничивать себя во всемъ. Дм. Вонлярлярскій мечталъ о блестящей карьерѣ и жалѣлъ, что у него нѣтъ достаточныхъ средствъ на устройство такой карьеры.

Супруга подс. В. Вонлярлярскаго не пожелала воспользоваться правомъ отказаться отъ дачи показаній и подтвердила утвержденіе Джесси Флеммингъ, что о письмѣ изъ Герлица сынъ рассказывалъ ей еще въ іюнь 1908 г. Г-жа Вонлярлярская даже утверждала, что это имѣло мѣсто 17 іюня. Разговоръ же о таинственной встрѣчѣ въ Парижѣ происходилъ между 15 и 18 августа 1907 г.

Во время показаній свидѣтельницы о семейныхъ отношеніяхъ произошла тяжелая сцена. Свидѣтельница все время крайне волновалась, и ея показанія часто прерывались рыданиями. Въ концѣ концовъ, не выдержавъ и подс. Вл. Вонлярлярскій и, рыдая, вскричалъ:

— Довольно! довольно! Я отказываюсь отъ дальнѣйшаго допроса.

Впечатлѣніе и отъ показаній свидѣтельницы и отъ этого истерическаго крика было настолько тяжело, что плакали и совершенно посторонніе Вонлярлярскимъ подсудимые Пилецкій и Проневскій.

Судомъ былъ объявленъ перерывъ, но свидѣтельница заявила о своемъ непреклонномъ желаніи давать показанія до конца.

Суть ея показаній сводится къ слѣдующему.

Подъ вліяніемъ разныхъ причинъ Дм. Вонлярлярскій совершенно отошелъ отъ родителей, ничего не слушалъ „и осуществлялъ свою волю вопреки всѣмъ“. При этомъ сынъ ея любилъ „уклоняться отъ истины“ и дошелъ даже до того, что желалъ удалить отца отъ дѣлъ, такъ какъ считалъ его „умственно и нравственно ослабѣвшимъ“.

Прис. пов. Бородинъ позволялъ себѣ часто рѣзкія выходки по отношенію Вл. Вонлярлярскаго и свидѣтельницы, и они просили сына оградить ихъ отъ этихъ выходокъ, но сынъ не обращалъ вниманія на ихъ просьбы.

Жука своего свидѣтельница считаетъ „человѣкомъ, чистымъ душой, рыцаремъ, неспособнымъ на обманъ, котораго, благодаря его чрезвычайной добротности, всѣ обманывали“.

Главнымъ основаніемъ, вызвавшимъ разрывъ между родителями и дѣтьми, свидѣтельница считаетъ „новыя вѣянія“.

— Молодые Вонлярлярскіе говорили, что знаютъ социологію, а мы—знаемъ жизнь!

Свидѣтельница, между прочимъ, устанавливаетъ: 1) что по совмѣстнымъ векселямъ В. и Д. Вонлярлярскихъ валюгу получалъ не отецъ, а сынъ; 2) что

идти съ законными наслѣдниками на мировую, на условіи получения 2-хъ милліоновъ, дѣйствительно не позволяя Вл. Вонлярлярскій, считавшій, что, разъ эти законные наслѣдники заявили споръ о подлогѣ, дѣломъ чести является отказаться отъ всякихъ мировыхъ соглашеній и довести дѣло до конца; 3) что сынъ дѣйствительно долженъ былъ уплатить долги отца.

Свидѣтельница показываетъ, что послѣ ареста сына они съ мужемъ „рвалися сердцемъ“ къ нему и послали телеграмму, поздравляя его съ днемъ рожденія. На эту телеграмму сынъ не отвѣтилъ.

Послѣ показанія матери подымается взволнованный подс. Дм. Вонлярлярскій и заявляетъ, что онъ отвѣтилъ на телеграмму большимъ письмомъ, но администрація вернула ему обратно конвертъ, а самое письмо приобщила къ дѣлу.

Подсудимый проситъ огласить это письмо, очень нѣжное и почтительное,—причемъ, оказывается, что оно было задержано прокуроромъ потому, что въ немъ заключается фраза: „покорно несутъ свой крестъ“.

Дм. Вонлярлярскій объяснилъ, что о неотправленіи письма онъ узналъ въ тотъ же день, когда судебный слѣдователь далъ ему прочитать постановленіе о привлеченіи къ дѣлу его отца, причемъ въ это постановленіе было включено утвержденіе пр. пов. Казанджіева, что промессы были выданы по настоянію Вл. Вонлярлярскаго.

— Жена моя, — говоритъ свидѣтель, — тонкихъ юридическихъ различій не понимаетъ, а потому, она не могла иначе понять и воспроизвести оглашенные наканунѣ слова мои о виновности отца. Правда, случилось, что отецъ давалъ мнѣ злосчастные совѣты, но подлогу онъ меня не училъ.

— Если мой отецъ понялъ мои слова, какъ обвиненіе, я, какъ сынъ, прошу простить меня!

Тов. прокурора Ненарокомовъ, въ связи съ показаніемъ Джесси Флемминга и Н. С. Вонлярлярской, обращаетъ вниманіе на два обстоятельства, устанавливаемыхъ этими свидѣтельницами въ прямое противорѣчіе со всѣми объясненіями подс. Дм. Вонлярлярскаго. Онъ установилъ, что о письмѣ разговоръ былъ въ іюнѣ 1908 г., а о Шарижѣ и встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ въ ресторанѣ Пайера — въ августѣ 1907 г., между тѣмъ Дм. Вонлярлярскій полученіе письма относилъ къ іюлю 1908 г., а знакомство съ Пилецкимъ въ Шарижѣ — къ октябрю, съ Дроголенскимъ же къ декабрю 1907 г.

Въ концѣ засѣданія даетъ объясненія кс. Домбровскій. Онъ указываетъ, что подписалъ завѣщаніе 2 августа 1909 г. по просьбѣ Монкевича, который увѣрилъ его, что подпись князя подлинна и воля его выражена въ завѣщаніи правильно. Кромѣ того, Монкевичъ его убѣдилъ, что выступать свидѣтелемъ не придется, ибо завѣщаніе будетъ уже утверждено въ судебномъ порядкѣ. При этомъ Монкевичъ просилъ его не говорить обо всемъ этомъ Дм. Вонлярлярскому.

Подсудимый завѣщаніе подписалъ, но оставилъ его у себя, ибо хотѣлъ все-таки посоветоваться съ епископомъ. Однако, у нотаріуса Клокоцаго при снятіи копій завѣщаніе пришлось отдать, такъ какъ пр. пов. Адамчевскій угрожалъ въ противномъ случаѣ отобрать завѣщаніе въ судебномъ порядкѣ, въ случаѣ же добровольной выдачи завѣщанія, объявлялся честнымъ словомъ черезъ нѣсколько дней возвратитъ таковое кс. Домбровскому.

При подписаніи завѣщанія подсудимому ничего улачено или обѣщано не было, но потомъ Михаловскій принесъ ему расписку Дм. Вонлярлярскаго „кажется, на 35 тыс. руб.“ и 1 тыс. руб. наличными, причемъ кс. Домбровскій думалъ, что эти деньги Михаловскій одалживалъ ему изъ своихъ средствъ. Вскорѣ расписка въ 35 тыс. р. замѣнена была Монкевичемъ своей сохранный распиской въ 70 тыс. рублей.

Планъ ложныхъ показаній у судьи подсудимому далъ Михаловскій.

Въ концѣ судебного слѣдствія оглашаются различныя справки, затребованныя судомъ въ теченіе предыдущихъ засѣданій. Между прочимъ, по возбужденному Вл. Вонлярлярскимъ вопросу объ октябрьской консультациіи объ узаконеніи Дм. Вонлярлярскаго, оба подсудимые, и Дм. и Вл. Вонлярлярскіе, утверждаютъ, что пр. пов. Д. Н. Бородинъ потребовалъ авансомъ 5 тыс. руб. за то, чтобы урегулировать вопросъ о первородствѣ и добиться узаконенія Дм. Вонлярлярскаго. Последній объясняетъ, что денегъ у него не было, и ему по телеграфу просилъ кн. Козловскаго одолжить ему эти деньги. Кн. Козловскій выслалъ эти деньги 9 октября, и въ тотъ же день онѣ были переданы Д. Н. Бородину, который уже 12 октября прислалъ имъ изъ Москвы, какъ результатъ консультациіи, имѣющаеся въ дѣлѣ письмо съ совѣтами по вопросу. Свое объясненіе Дм. Вонлярлярскій иллюстрируетъ ссылками на свою приходорасходную книжку, въ которой подъ 9-мъ октября дѣйствительно значится 5 тыс. руб. на приходѣ отъ кн. Козловскаго и на расходѣ — по выдачѣ ихъ Д. Н. Бородину.

Пр. пов. Бородинъ, подтверждая фактъ полученія имъ 5 тыс. руб., указываетъ, что Вонлярлярскіе неоднократно одалживали у него крупныя суммы и эти 5 тыс. руб. поступили въ уплату долга.

Присяжные засѣдатели интересуются далѣе вопросомъ о разсылавшейся виднымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ „Запискѣ о наслѣдствѣ Огинскихъ“.

Пр. пов. Казанджіевъ объясняетъ, что вопросъ объ изданіи такой брошюры былъ рѣшенъ на квартирѣ пр. пов. Бородина, на совѣщаніи, въ которомъ присутствовали — кромѣ Бородина и Казанджіева — Дм. и Вл. Вонлярлярскіе, которые и давали справки, а также сообщали факты, легшіе въ основу записки. Составлялъ ее пр. пов. Бородинъ, и составленіе для убійства ген. Н. М. Вонлярлярскаго съ недоразумѣніями по вопросу о признаніи кн. Огинскаго душевнобольнымъ принадлежить ему, Бородину, что же касается сопоставленія того обстоятельства, что тѣло кн. Огинскаго было замуровано въ стѣну фамильной каплицы черезъ 35 часовъ послѣ его смерти, съ тѣмъ, что онъ умеръ отъ воспаления кишечника, сдѣлано на основаніи данныхъ, сообщенныхъ Дм. Вонлярлярскимъ. Когда были готовы корректурные листы записки, Дм. Вонлярлярскій, по совѣту камергера ф. Бюттинга и церемон. Гурко, хотѣлъ измѣнить нѣкоторыя ея мѣста, но Бородинъ отгасалъ это сдѣлать.

Членъ суда Рейнбогъ заинтересовался вопросомъ о письмѣ пр. пов. Бородина отъ 12 октября изъ Москвы и выяснилъ неожиданное обстоятельство: пр. пов. Бородинъ призналъ, что въ Москвѣ на консультациіи не былъ, а письмо, датированное 12 октября, написалъ заранее и, командировавъ свою жену въ Москву, прислалъ ее отпривать оттуда письмо къ Вонлярлярскому.

Затѣмъ окр. судъ переходитъ къ вопросу объ экспертизѣ.

Во время экспертизы телеграммъ, произведенной специально вызваннымъ почт.-тел. чиновникомъ, окончательно выяснилось, что одна изъ нихъ поддѣльна: на бланкѣ наклеены вырѣзки изъ различныхъ другихъ телеграммъ и такимъ образомъ получила телеграмма отъ гр. Погулицкаго отъ 29 іюля 1909 г. съ просьбой не прекращать розыски завѣщанія и съ увѣдомленіемъ, что возможная оппозиція гр. Залусскаго неопасна, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ документовъ.

Дроголенскій объясняетъ, что эта телеграмма поддѣлана имъ совмѣсто съ Михаловскимъ по порученію Дм. Вл. Вонлярлярскаго.

Последній опровергаетъ это обстоятельство, счи-

тая „обвиненіе въ мелкихъ мошенничествахъ оскорбительнымъ для себя, хотя онъ и сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ“. Онъ доказываетъ, что никакихъ оснований для составления такой телеграммы у него не было; въ некоторые свидѣтели, правда, говорили, что она имѣла въ виду убѣдить невеликаго ксендза Гриневича въ томъ, что законные наследники также заинтересованы въ нахожденіи завѣщанія. Однако, переговоры съ Гриневичемъ прерваны были еще въ июлѣ, а телеграмма появилась только въ концѣ іюля.

Въ связи съ этимъ тов. прокурора Ненарокомовъ обращаетъ вниманіе на то, что кс. Сенкуса 1 августа Монкевича убѣждалъ подписать завѣщаніе, оперируя именно телеграммой законныхъ наследниковъ.

Монкевичъ подтверждаетъ это обстоятельство.

Затѣмъ оглашаются справки объ имущественномъ положеніи Вл. Вонлярлярскаго, извѣстныя изъ обвинительнаго акта. Изъ этихъ справокъ видно, что въ 1908—1909 гг. дѣла Вл. Вонлярлярскаго были окончательно разстроены, и онъ не производилъ даже срочныхъ платежей по долгу на имѣніи и срочныхъ уплатъ по долгу государственному банку, рискуя продажей имѣнія и протестами векселей. Изъ оглашенной затѣмъ приходо-расходной книги Вл. Вонлярлярскаго видно, что за это время онъ часто выдавалъ Дм. Вонлярлярскому крупныя суммы денегъ, помимо ежегодныхъ выдачъ въ 6.000 р., — причемъ въ этой книгѣ за вторую половину 1909 г. часто встрѣчаются записи—„учтенъ вексель Димы“ на такую-то сумму, а также неоднократно записи—„отъ Димы 1000 р.“.

Между прочимъ въ расходной книгѣ Вл. Вонлярлярскаго есть записи: „Михаловскому 200 р.“, передѣланная на „Михайлѣ Василеву 200 р.“.

По этому поводу подс. Вл. Вонлярлярскій даетъ подробныя объясненія, затаявшіяся на нѣсколько часовъ. Собственно о записи „Михаловскому 200 руб.“ Вл. Вонлярлярскій показалъ, что передѣлалъ онъ ее по тому, что послѣ привлеченія сына, прис. пов. Алапинъ предупредилъ его, что на основаніи „косвенныхъ уликъ“ могутъ привлечь къ дѣлу и его, подсудимаго, и вотъ тогда-то онъ рѣшилъ уничтожить записи, чтобы „защитить себя отъ крапленыхъ картъ на случай смерти“, ибо послѣ возбужденія дѣла, онъ „на законномъ основаніи могъ ждать удара“.

Затѣмъ подсудимый даетъ объясненія по поводу каждой изъ указанныхъ въ приходо-расходной книгѣ выдачъ сыну и подсказываетъ, что сверхъ обычныхъ выдачъ въ 1909 г. по май имъ было выдано сыну 600 р., а съ мая по августъ 2700 р., каковыя суммы слишкомъ недостаточны для организаціи подлога. Суммы, выданныхъ послѣ 1 августа, подсудимый касается лишь вскользь. Вместе съ тѣмъ, Вл. Вонлярлярскій доказываетъ, что платежи въ банкъ онъ производилъ правильно.

Попутно подсудимый касается всѣхъ обстоятельствъ дѣла и повторяетъ свои прежнія соображенія, доказывающія его невиновность. Что касается показаній сен. Максимовича, то подсудимый считаетъ ихъ во всѣхъ частяхъ отступающими отъ того, что было въ дѣйствительности. Прис. пов. Бородина подсудимый считаетъ освѣдомленнымъ о наличности подлога съ самаго вступленія въ дѣло въ концѣ августа 1909 г., т. е. до утвержденія завѣщанія. Подсудимый признаетъ себя виновнымъ лишь въ томъ, что рекомендовалъ сыну прис. пов. Бородина, котораго онъ считалъ общественнымъ дѣятелемъ, ибо слышалъ про него, что „тогда борется съ пьянствомъ и говоритъ какія-то рѣчи, за которыя его выводятъ изъ собраний, но который оказался человекомъ, просто принадлежащимъ къ партіи „к. в. д.“.

— Куда вѣтеръ дуетъ!—объяснилъ подсудимый.

Касаясь намековъ на то, будто онъ, подсудимый, сыгралъ какую то роль въ возбужденіи противъ Бо-

родина политическаго дѣла, подсудимый говоритъ, что обвиненіе въ полицейскомъ доносѣ глубоко оскорбляетъ его, и объясняетъ, что когда онъ узналъ отъ Казанджіева объ обыскѣ, бывшемъ у Бородина, то былъ этимъ очень удивленъ и обратился за справкой къ своему хорошему знакомому, председателю цензурнаго комитета Катенину. Только въ этомъ и выразилось все его участіе въ дѣлѣ.

Въ концѣ своихъ объясненій подсудимый обращается къ сыну и высказываетъ свою увѣренность въ его невиновности, такъ какъ если бы онъ былъ виновнымъ, то было бы чудовищнымъ не сознаться въ этомъ отцу въ тотъ моментъ, когда снимали офицерскій мундиръ.

И я не вижу для него возможности оставаться въ живыхъ, если онъ виноватъ!

Къ концу засѣданія даются заключеніе эксперты—прис. повѣр. А. А. Захаринъ и г. Поповичій. Въ отношеніи загадочной записки, подписанной фамиліей Яковлева, они пришли къ совершенно неожиданнымъ выводамъ: по ихъ мнѣнію, вѣроятнѣе всего, что эта записка писана самимъ Михаловскимъ, которому она была адресована, плк кс. Домбровскимъ, который въ то время находился въ Сибири. Выслушавъ эту часть заключенія, Домбровскій устѣхается.

Что касается вопросовъ о сходствѣ почерковъ Михаловскаго и Дм. Вонлярлярскаго, а также Меллеръ и письма, подписаннаго г-жей Комаръ, эксперты опредѣленнаго заключенія вынести не могли, въ запискѣ же съ адресомъ прис. пов. Казанджіева, оставленной Монкевичемъ у гр. Залусской, эксперты усмотрѣли два почерка: въ адресѣ—Михаловскаго, а въ номерѣ телефона—Монкевича.

Въ виду того, что самое завѣщаніе экспертировалось этими же экспертами и на предварительномъ слѣдствіи, стороны первоначально отказались отъ повторенія экспертизы, но подс. Михаловскій потребовалъ производства экспертизы.

Тогда было рѣшено воспроизвести результаты новой экспертизы совместно съ объясненіемъ тѣхъ путей, какими дошли эксперты до своихъ выводовъ, предоставивъ затѣмъ Михаловскому, въ случаѣ неудовлетворенности этимъ, вновь возобновить свое ходатайство.

На разрѣшеніе экспертовъ въ этомъ отношеніи были послѣдовательно поставлены вопросы: написанъ ли текстъ завѣщанія и всѣ подписи въ немъ, одними и тѣми же чернилами и въ одно и то же время; къ какому періоду времени относится составленіе завѣщанія; былъ ли сложенъ листъ до того, какъ на немъ было написано завѣщаніе, не подогнанъ ли текстъ завѣщанія къ подписи завѣщанія и подлинна ли имѣющаяся на немъ подпись кн. Огинскаго. На эти вопросы эксперты дали слѣдующіе отвѣты: 1) текстъ завѣщанія и имѣющіяся на немъ подписи писаны не одновременно, но съ короткими промежутками и притомъ совпадающими сортами камешковыхъ чернилъ съ содержаніемъ желѣза, 2) завѣщаніе сравнительно недавно происхожденія, 3) оно было написано по несложному листу бумаги, 4) послѣднія четыре строки текста написаны болѣе сжатымъ почеркомъ и по другому транспаранту, чѣмъ остальной текстъ, изъ чего слѣдуетъ, что переписчику завѣщанія пришлось перемѣнить транспарантъ, подгоняя текстъ къ уже имѣвшейся подписи завѣщателя, и 5) подпись кн. Огинскаго на завѣщаніи отъ 9 іюля 1903 г., по всей вѣроятности, подложна и сдѣлана отъ руки посредствомъ копированія на глазъ.

— Ну что жъ вы скажете, г. Михаловскій?—интересуется председатель суда.

— Я не спеціалистъ, г. председатель!—возражаетъ подсудимый: но могу сказать одно: подпись подлинна!

Продолженіе экспертизы 18 мая.

Въ началѣ засѣданія окр. суда 18 мая подс.

Вл. Вонлярлярскій даетъ объясненія по поводу процесса.

Въ дѣлѣ замѣшано 40 человекъ, изъ нихъ девятнадцать ксендзовъ и нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, двое изъ которыхъ настолько были заинтересованы въ дѣлѣ, что въ день утвержденія завѣщанія прямо изъ суда во фракахъ и съ букетами въ рукахъ поѣхали къ Кюба вспрыскивать побѣду, — да, вѣдь такую компанію соучастниковъ въ подлогѣ никакими миліонами не удовлетворишь, а не только что какими-то несчастными 100 тыс. рублей! — восклицаетъ подсудимый, и переходитъ затѣмъ, къ роли въ дѣлѣ сен. Максимовича, показанія котораго, по мнѣнію подсудимаго, могутъ имѣть особое значеніе въ дѣлѣ въ виду положенія свидѣтеля, какъ сенатора и б. старшаго предсѣдателя спб. судебной палаты.

Прежде всего подсудимый утверждаетъ, что сен. Максимовичъ, въ пользу котораго прис. пов. Бородинъ, рекомендованный имъ въ дѣло, все время старался выговорить 2% вознагражденія, — вовсе не былъ возмущенъ promessaми и въ отказъ его отъ опекуства никакой роли эти promises сыграть не могли, хотя бы потому, что, въ противность всѣмъ показаніямъ сен. Максимовича, какъ нынѣ выяснилось, по мнѣнію подсудимаго, судебное слѣдствіе, — promises были уничтожены 14 сентября, а вступленіе сен. Максимовича въ опеку состоялось въ концѣ сентября.

Затѣмъ, по утвержденіямъ подсудимаго, невѣрно и указаніе сен. Максимовича, что въ апрѣлѣ 1909 г. онъ, подсудимый, показывалъ сенатору копию завѣщанія кн. В. Огинскаго. Таковой тогда не существовало, а сен. Максимовичу была показана лишь копія завѣщанія кн. Мих. Огинскаго.

Переходя, далѣе, къ прис. повѣр. Бородину, Вл. Вонлярлярскій повторяетъ вновь свои прежнія обвиненія, доказываетъ свою невинность, между прочимъ, тѣмъ, что прис. повѣр. Бородинъ черезъ сына подсудимаго, два раза — въ январѣ и въ мартѣ 1910 г. — просилъ его предпринять мѣры внѣсудебнаго воздѣйствія для скорѣйшаго окончанія дѣла и онъ, подсудимый, оба раза въ этомъ ему отказалъ.

Товарищъ прокурора Ненарокомовъ обращаетъ вниманіе суда, что по объясненіямъ Дм. Вонлярлярскаго, копія завѣщанія кн. В. Огинскаго, отбитая на машинкѣ, была получена имъ отъ Монкевича еще въ мартѣ.

Дм. Вонлярлярскій по этому поводу объясняетъ, что онъ показывалъ сен. Максимовичу копию завѣщанія именно кн. В. Огинскаго, и это онъ помнитъ хорошо потому, что сен. Максимовичъ нашелъ это завѣщаніе „абракадаброй“ и хотѣлъ показать лицу, которое считалъ „исключительнымъ знатокомъ гражданскаго права“.

Однако, прис. пов. Казанджіевъ объясняетъ, что это происходило не въ апрѣлѣ, а въ маѣ.

Изъ оглашенныхъ затѣмъ документовъ интересно отмѣтить два договора съ Голенищевымъ, которымъ Вл. Вонлярлярскій долженъ былъ свыше 300 тыс. рублей. По первому изъ оглашенныхъ документовъ Вл. Вонлярлярскій обязывался погасить свой долгъ ежегодными уплатами по 75 тыс. руб., а по второму договору обязательства эти принималъ на себя Дм. Вонлярлярскій, „войдя въ договорныя отношенія съ отцомъ и изъ желанія помочь родителямъ, въ виду утвержденія духовнаго завѣщанія“.

Послѣ этого товарищъ прокурора Ненарокомовъ обращаетъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на совпаденіе записанныхъ въ оглашенной наканунѣ приходорасходной книгѣ крупныхъ выдачъ сыну — съ тѣми или иными моментами въ движеніи духовнаго завѣщанія, какъ, напримѣръ, съ переговорами съ кс. Петкевичемъ и т. д. Между прочимъ, особенно характерно, что договоръ Вл. Вонлярлярскаго съ Голенищевымъ совпалъ именно съ моментомъ появленія кс. Петкевича.

Въ связи съ этимъ, вновь даетъ объясненіе Вл. Вонлярлярскій и, подробно анализируя свои денежные дѣла, доказываетъ, что въ этотъ періодъ, при условіи одновременной ликвидаціи долговъ, ему нужно было всего 220 тыс. руб.

— За такую сумму я не могъ поставить на карту всю свою прежнюю жизнь, свою совѣсть, честь и состояніе! Да къ тому же и выгоды-то вѣрной отъ подлога не было, — вѣдь, я ничѣмъ не былъ гарантированъ. Пойти при такихъ условіяхъ на вѣчный шантажъ девятнадцати ксендзовъ и цѣлой скамьи подсудимыхъ, — было бы безуміемъ. И если бы я это сдѣлалъ, меня надо было бы посадить въ сумасшедшій домъ!

Изъ оглашенныхъ по ходатайству прокурора телеграммъ видно, что между прис. пов. Пилецкимъ и Дм. Вонлярлярскимъ въ январѣ 1909 г. существовали оживленныя сношенія по какому-то неразъясненному вопросу.

Прис. пов. Пилецкій объясняетъ, что дѣло шло о порученной ему Дм. Вонлярлярскимъ реализаціи акціи андреевскаго нефтенпромышленнаго общества. Однако, Дм. Вонлярлярскій возражаетъ противъ этого и доказываетъ, что дѣло объ акціяхъ имѣло мѣсто не въ январѣ 1909 г., а лишь черезъ годъ послѣ этого. Впрочемъ, о чемъ идетъ рѣчь въ оглашенныхъ телеграммахъ подсудимый не говоритъ. Но затѣмъ и онъ признаетъ, что телеграммы могли относиться къ брошюрѣ объ андреевскихъ акціяхъ, дѣйствительно, данной имъ Пилецкому въ то время.

Послѣ оглашенія телеграммы Адамчевскаго и Казанджіева, отъ 8 августа 1909 г. изъ Вильны на имя Вл. Вонлярлярскаго о состояніи дѣла въ опекѣ, возникаетъ инцидентъ. Товаръ прокурора Ненарокомовъ обращаетъ вниманіе прис. засѣдателей, что, несмотря на это письмо отъ 8 августа, — Дм. Вонлярлярскій 7 августа писалъ гр. Залусскому, что „сознательно не принимаетъ мѣръ къ осуществленію правъ, вытекающихъ изъ завѣщанія“. Однако, вскакиваютъ подс. Дм. Вонлярлярскій и прис. пов. Казанджіевъ и категорически заявляютъ, что письмо гр. Залусскому было послано не въ августѣ, а въ сентябрѣ, а Дм. Вонлярлярскій добавляетъ, что прокуроромъ пропущено еще одно обстоятельство: въ письмѣ сказано, что „мѣры сознательно не принимаются со 2 сентября“.

Изъ оглашеннаго затѣмъ проекта всеподданнѣйшаго прошенія видно, что въ противность объясненіямъ подсудимыхъ, предполагалось и самое завѣщаніе провести внѣсудебнымъ порядкомъ. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе, что при представленіи завѣщанія въ судъ, имущество кн. Огинскаго было прис. пов. Адамчевскимъ оцѣнено въ ...94 тыс. рублей, хотя тотъ же Адамчевскій за 10 дней до этого установилъ, что въ виленскомъ банкѣ хранится свыше 900 т. руб., принадлежащихъ кн. Огинскому.

Далѣе оглашается написанная, по словамъ Вл. Вонлярлярскаго, кн. Д. Д. Оболенскимъ статья „О наследствѣ кн. Огинскаго“, напечатать которую не разрѣшилъ подсудимый. Въ статьѣ этой содержатся нападки на судебное вѣдомство, слишкомъ неосторожно обращающееся съ достоинствомъ и честью людей и арестующее ихъ безъ всякихъ основаній, какъ, напримѣръ, Дм. Вонлярлярскаго, произведенный у котораго обыскъ не далъ никакихъ результатовъ. Въ статьѣ содержатся намеки на странную связь дѣйствій судебныхъ властей съ тѣми „интригами, которыя ведутся по этому дѣлу польскою знатью“.

По ходатайству прокурора, оглашаются свѣдѣнія о дисциплинарныхъ дѣлахъ прис. повѣр. Пилецкаго, причемъ оказывается, что, несмотря на то, что въ Варшавѣ дисциплинарный надзоръ за присяжными повѣренными принадлежитъ окружнымъ судамъ, а не совѣтамъ, — за двадцать лѣтъ у прис. пов. Пилец-

каго было всего 3 дисциплинарных дѣла—изъ нихъ одно—о пропускѣ срока, закончившееся предостереженіемъ, а два—выговорами.

Между прочимъ, выясняется, что съ поисками военнаго капеллана изъ Риги совпали оживленные телеграфныя сношенія между Дм. Вонлярлярскимъ, жившимъ въ лагеряхъ, и Длуголенцкимъ.

Осмотрѣвъ подписи на завѣщаніи, сдѣланную кс. Домбровскимъ, эксперты—прис. пов. Захарыинъ и г. Поповичкій—пришли къ заключенію, что нѣтъ никакихъ данныхъ считать, что кс. Домбровский писалъ въ нетрезвомъ видѣ, какъ это предполагала защита. Нѣкоторая нервозность въ почеркѣ замѣтна, но характерныя для почерка пьянаго человѣка являются атактическия явленія, каковыхъ въ данномъ случаѣ не наблюдается.

По поводу произведенной накануне экспертизы завѣщанія прис. повѣр. В. А. Маляковъ проситъ предъявить подлинное завѣщаніе подсудимымъ, подлиннымъ подписавшимся, и опросить ихъ о времени подписи завѣщанія. Подсуд. Ярошевскій, обозрѣвъ завѣщаніе, признаетъ, что подписалъ кс. Домбровскаго сдѣлана имъ, подсудимымъ въ іюнѣ 1909 г., Монкевичъ и Ольшевскій признаютъ, что подписали завѣщаніе также въ іюнѣ, Домбровскій подтверждаетъ, что завѣщаніе подписано имъ 1 августа 1909 г., Михаловскій хладнокровно заявляетъ, что завѣщаніе подписано имъ 9 іюля 1903 г. въ гор. Ригѣ.

Затѣмъ подс. В. М. Вонлярлярскій возбуждаетъ ходатайство объ оглашеніи и приобщеніи къ дѣлу дѣлага ряда документовъ. Большинство ихъ опровергаетъ указанія обвинительнаго акта на то, что въ 1909 г. Вл. Вонлярлярскій былъ совершенно разоренъ и не производилъ погашенія срочныхъ долговъ.

Изъ представленныхъ подсудимымъ квитанцій государственнаго банка видно, что съ 1 января по августу 1909 г. подсудимымъ было внесено въ банкъ на погашеніе своего долга свыше 50 тыс. руб. Затѣмъ оглашаются записки подсудимаго о предпріятіяхъ на Чукотскомъ полуостровѣ и др., въ коихъ онъ доказываетъ, что дѣла общали большія выгоды и т. п.

Изъ справокъ по военному вѣдомству и Императорской главной квартиры видно, что въ порядкѣ старшинства были зачислены въ полки Дмитрій и Георгій Вонлярлярскіе, а слѣдовательно, по выводу подсудимаго, никогда сомнѣній въ правѣ первородства Дм. Вонлярлярскаго не возникало.

Изъ документовъ, оглашенныхъ по ходатайству защиты прис. пов. Казанджіева, видно, что за 10 лѣтъ практики подсудимый не имѣлъ ни одного дисциплинарнаго взысканія.

Изъ бумагъ кс. Домбровскаго оглашается жалоба на него прихожанъ костела въ Маріинскѣ на Амурѣ. Прихожане жалуются, между прочимъ, что вмѣсто проповѣдей, онъ осыпаетъ прихожанъ въ костелѣ бранью, и что по ночамъ велѣлъ благовѣстити, чтобы, какъ онъ самъ говорилъ, приучить къ звонку свою пугливую лошадь.

Изъ оглашенной справки коммерческаго суда видно, что съ осени 1909 г. по май 1911 г. къ Д. и В. Вонлярлярскимъ предъявлено было исковъ по векселямъ на общую сумму въ 89.546 руб., изъ нихъ по упрощенному судопроизводству—45 т. руб.

Въ 10 ч. 30 м. вечера судебное слѣдствіе было объявлено законченнымъ, причемъ окр. судъ объявилъ, по ходатайству присяжныхъ засѣдателей, перерывъ до 11 ч. дня 20 мая.

20-го мая, въ 11 ч. утра, рѣчью тов. прокурора Пенарокова, послѣ 17-дневнаго судебного слѣдствія, открылись пренія сторонъ.

— Когда судебное слѣдствіе тянется 17 дней,—справедливо замѣчаетъ тов. прокурора Пенароковъ,—грѣшно отнимать лишнее время у суда и присяжныхъ засѣдателей. Но подсудимые вправѣ

настаивать на томъ, чтобы, когда судьи удалятся въ совѣщательную комнату, обвинительной властью были выдвинуты противъ каждого изъ подсудимыхъ всѣ тѣ улики, которыя имѣются въ ея распоряженіи и которыя могутъ быть опровергнуты защитой и самими подсудимыми въ ихъ послѣднемъ словѣ!

Отвѣчая, далѣе, на всѣ тѣ соображенія, которыя высказывались въ теченіе многихъ дней подсудимыми и, главнымъ образомъ, отцомъ и сыномъ Вонлярлярскими по поводу личнаго отношенія къ дѣлу слѣдователей и прокуратуры, обвинитель указываетъ, что обвинительный актъ представляетъ изъ себя простое, дѣловое и безпристрастное изложеніе исторіи дѣла и личныхъ сужденій въ него представители обвиненія не вносятъ. Затѣмъ товарищъ прокурора переходитъ къ изложенію фактической стороны дѣла.

— 2 сентября 1909 г. утверждено было завѣщаніе. Вскорѣ послѣ этого возбуждено предварительное слѣдствіе и только значительно спустя, а именно въ апрѣлѣ, произведены были аресты. Борьба была яростная. Слѣшкомъ жизненные интересы подсудимыхъ были затронуты. И теперь, когда, наконецъ, приближается та торжественная минута, когда вы должны будете вынести свой авторитетный приговоръ, я долженъ дать вамъ матеріалъ для него.

Одни изъ подсудимыхъ признали себя виновными, другие не признали, но все же не отрицали факта составленія подложнаго завѣщанія и только одинъ утверждалъ и теперь утверждаетъ, что подлога никакого не было, и что завѣщаніе, дѣйствительно, подписано кс. Огнискимъ въ іюлѣ 1903 года.

— Я думаю,—говоритъ тов. прокурора,—что потерялъ бы напрасно время на опроверженіе этихъ показаній подсудимаго Михаловскаго.

Но, несмотря на это, обвинитель подробно опровергаетъ доводы подсудимыхъ. Г-нъ Михаловскій ходатайствовалъ здѣсь о томъ, о чемъ опять-таки никто изъ другихъ подсудимыхъ не подымалъ и рѣчи, о производствѣ второй экспертизы подписи на завѣщаніи и просилъ вызвать своего эксперта, я говорю о Буринскомъ. Но судъ на эксперта смотритъ, какъ на свидѣтеля; разница только въ томъ, что свидѣтель говоритъ о фактѣ, при которомъ онъ присутствовалъ или который онъ слышалъ, экспертъ же констатируетъ фактъ, до того ему неизвѣстный.

И г. Буринскій не въ правѣ былъ явиться сюда съ опредѣленной точкой зрѣнія, за которую онъ получилъ значительную сумму денегъ, ибо отказаться отъ того, за что ему было такъ щедро заплачено, онъ не могъ бы.

Всѣ участники подлога говорятъ, что завѣщаніе написано не въ 1903 г., а въ 1909 году. О томъ же говоритъ и экспертиза. Въ 1903 году никто изъ лицъ, подписавшихся на завѣщаніи, въ Ригѣ не былъ, и въ то время и быть не могъ. Подсудимый Ярошевскій не только сознался, что подписалъ кс. Огнискаго принадлежить ему, но и рассказалъ, какимъ образомъ онъ ее скопировалъ. Объективные факты удивительнаго сходства подписи Огнискаго на завѣщаніи съ подписями его на дѣлѣ о метрикахъ, находящихся въ римско-католической консисторіи, а также и вполне подтвердившееся указаніе Ярошевскаго, что, изучая подписи князя, онъ на четвертомъ листѣ этого дѣла сдѣлалъ чернильное пятно, какъ нельзя болѣе свидѣтельствуютъ о справедливости показаній Ярошевскаго. Но Михаловскаго ничто не можетъ убѣдить, и противъ фактовъ онъ выставляетъ фантастическій рассказъ о томъ, что существовало два подлинныхъ завѣщанія и одно подложное, о польской интригѣ и тому подобныхъ, совершенно невѣроятныхъ вѣщахъ.

— Эта польская интрига овладѣла всѣми и привела ихъ на скамью подсудимыхъ.

Только одинъ Михаловскій, человекъ высокой нравственности, ей не поддастся, несмотря на то

что нѣкій г-нъ Семполь и предлагалъ ему отъ имени гр. Потулицкаго сто тысячъ рублей. Это тотъ самый Михаловскій, который теперь занимаетъ, хотя и скромное, но весьма видное мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ.

Всѣ обстоятельства этого дѣла и самый текстъ завѣщанія служатъ самой неопровержимой уликой въ томъ, что подсудимые, а, въ частности, главные изъ нихъ, Д. и В. Вонлярлярскіе, не могли не знать о томъ, что завѣщаніе подложно.

Если ген. Вонлярлярскій былъ выбранъ княземъ только для того, чтобы оскорбить его ближайшихъ наследниковъ, то князю не было бы надобности ни завѣщать графу Залускому по 50.000 руб. ежегодно въ течение 10 лѣтъ, ни назначать другія выдачи кн. Огинской и гр. Потулицкому. Самый текстъ завѣщанія и его содержание свидѣтельствуютъ о томъ, что люди, его составлявшие, великолѣпно освѣдомлены обо всѣхъ обстоятельствахъ жизни Богдана Огинскаго, и этими своими назначениями старались обезоружить будущихъ своихъ враговъ.

— Дмитрій Вонлярлярскій здѣсь заявляетъ, что единственная серьезная противъ него улика, выдвигнутая обвиненіемъ, это то, что завѣщаніе составлено въ его пользу. Но я вижу главную улику не въ этомъ, а въ томъ, что безъ Дмитрія Вонлярлярскаго и его отца завѣщаніе не могло бы быть ни создано, ни осуществлено, ни утверждено. Въ самомъ дѣлѣ, выкиньте изъ процесса ихъ, и что же вы получите? Если бы они были „вовлечены“ какой-то неизвестной шайкой, то зачѣмъ этой неизвестной группѣ людей было бы составлять завѣщаніе именно въ пользу Дмитрія Вонлярлярскаго и косвенно въ пользу его отца, когда, при существованіи рода Огинскихъ въ теченіе многихъ столѣтій, рода, связаннаго съ исторіей страны, они могли бы найти много лицъ, хотя бы и православныхъ, находящихся въ гораздо болѣе близкомъ родствѣ съ Огинскими, чѣмъ Вонлярлярскіе?

Далѣе прокуроръ разбираетъ исторію отношеній Вонлярлярскихъ къ Богдану и Михаилу Огинскимъ и, находя, что, если бы Огинскій дѣйствительно былъ близокъ съ генераломъ Вонлярлярскимъ и желалъ бы сдѣлать его продолжателемъ своего стариннаго рода, носителемъ герба и титула и наследникомъ имущества, то онъ не могъ бы назначить преемникомъ правъ Н. Вонлярлярскаго—Дмитрія, котораго Н. Вонлярлярскій совершенно не признавалъ, называлъ „Лжедмитріемъ“ и „самозванцемъ“ и съ которымъ даже не кланялся.

— Я касаюсь большого мѣста,—говоритъ прокуроръ,—но не моя въ томъ вина: всякое преступленіе роковымъ образомъ влечетъ за собою непріятныя послѣдствія.

Въ 1906 г.,—говоритъ далѣе прокуроръ,—трагически погибъ въ Варшавѣ генералъ Вонлярлярскій. Онъ былъ разорванъ брошенной въ него бомбой. И кн. Огинскій, который, по словамъ обвиняемыхъ, былъ въ такихъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, не принявъ въ этомъ никакого участія, не поинтересовался даже познакомиться съ его племянникомъ, будущимъ носителемъ своего титула. Развѣ таково должно бы быть это отношеніе, если бы кн. Огинскій желалъ сдѣлать своимъ наследникомъ не гр. Залусскаго, какъ объ этомъ говорили здѣсь свидѣтели, а Дмитрія Вонлярлярскаго? Пускай, всѣ остальные свидѣтели: кн. Огинская, гр. Потулицкій и другіе—могутъ быть заподозрѣны въ „польской интригѣ“, мы ихъ отбросимъ, но князь Святопольскій-Мирскій, бывший виленскій генералъ-губернаторъ—не полякъ; и онъ здѣсь намъ показывалъ, что князь Богданъ Огинскій обращался къ нему въ 1904 г. съ просьбой похлопотать объ учрежденіи майората не въ пользу Дмитрія Вонлярлярскаго, а въ пользу все того же, дѣйствительно, близкаго ему человѣка, гр. Юсефа Залусскаго.

— Единственный, кто могъ не знать, что завѣ-

щаніе подложно,—признаетъ товар. прокурора,—это прис. повѣр. Казанджіевъ. Онъ дѣйствительно, могъ повѣрить, что могущественный родъ Вонлярлярскихъ состоитъ въ родствѣ съ древнимъ родомъ князей Огинскихъ. Я считаю виною этого заблужденія тотъ снобизмъ Казанджіева, который заставилъ его бросить гражданскую практику и заняться дѣлами административными, и, благодаря которому, онъ здѣсь на судъ съ чисто-ребяческой хвастливостью перечислялъ высокопоставленныхъ лицъ, бывшихъ въ числѣ его кліентовъ.

— Между Огинскими и Вонлярлярскими существовало не родство, а, то, что потревоженный Владимиромъ Вонлярлярскимъ и вызванный сюда 72-лѣтній старецъ, Добрачевъ, опредѣлилъ словомъ—*cousinage*. Слово это происхожденія бретонскаго, а потому я позволю себѣ разъяснить, что въ Бретани такъ именуютъ другъ друга всѣ жители этой страны.

— Я еще разъ и сразу же заявляю, что главная улика обвиненія въ томъ, что ни Дмитрій, ни Владимиръ Вонлярлярскіе никогда не могли заблуждаться въ подложности завѣщанія,—закачиваетъ общую часть своей рѣчи прокуроръ, и проситъ прерыва.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ХРОНИКА.

Въ происшедшемъ 12 іюля, подъ предсѣдательствомъ П. А. Столыпина, засѣданіи совѣта министровъ подвергнуто обсужденію выработанный междуведомственной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ сенатора Макарова, проектъ преобразованія полиціи въ Имперіи, состоящій изъ 1) проекта учрежденія полиціи, 2) проекта устава полицейскаго и 3) заключенія комиссіи, содержащаго въ себѣ сводъ вызываемыхъ настоящимъ преобразованиемъ дополнительныхъ къ упомянутымъ учрежденію и уставу постановленій.

Въ основаніе своихъ работъ комиссія положила выясненіе главнѣйшихъ недостатковъ нынѣшняго полицейскаго устройства. Въ ряду ихъ комиссія отмѣтила, прежде всего, отсутствіе единства въ организаціи полиціи и разнообразіе ея видовъ, являющіяся результатомъ того, что входяція въ составъ ея различныя части образовывались разновременно и не по общему плану, а подъ вліяніемъ постепенно нарастающихъ практическихъ потребностей жизни. Созданныя, въ зависимости отъ сего, разнообразныя виды полиціи, различаются между собой не только обязанностями, почти во всемъ однородными, а по признакамъ мѣста служенія, состава служащихъ и нѣкоторыхъ особенностей службы. Въ этомъ направленіи комиссія полагала необходимымъ подчинить всѣ виды полиціи въ Имперіи, за исключеніемъ полиціи дворцовыхъ городовъ, состоящей въ завѣдываніи министра Императорскаго двора,—министру внутреннихъ дѣлъ, а на мѣстахъ—губернаторамъ. Что касается нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видовъ полиціи, каковы: рѣчная, портовая и фабрично-заводская, то эти категории полиціи комиссія нашла возможнымъ сохранить и впредь на существующихъ основаніяхъ, такъ какъ входяціе въ составъ ихъ чины ни по свойству службы, ни въ порядкѣ под-

чинности, не отличаются от соответствующих имъ чиновъ общей уѣздной и городской полиціи. Равнымъ образомъ, комиссія нашла правильнымъ оставить попрежнему въ вѣдѣніи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія казенную лѣсную стражу, а также предусматриваемыхъ уставомъ сельскаго хозяйства полевыхъ и охотничьихъ сторожей.

Своеобразную военную организацію отдѣльнаго корпуса жандармовъ комиссія признала желательнымъ удержать и на будущее время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагала необходимымъ прекратить его нынѣшнюю обособленность, въ качествѣ отдѣльной отрасли полицейскаго строя. Въ этихъ видахъ комиссія проектировала объединить въ рукахъ будущаго (по проекту губернской реформы) помощника губернатора или помощника градоначальника по полицейской части, назначаемого изъ чиновъ жандармскаго корпуса, ближайшее на мѣстахъ завѣдываніе какъ чинами полиціи, такъ и названнаго корпуса въ губерніяхъ и крупнѣйшихъ градоначальствахъ. Съ учрежденіемъ этой новой должности могли бы быть упразднены должности начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій.

Въ отношеніи нынѣшней выборной сельской полиціи (волостные старшины, старосты и десятскіе) комиссія нашла, что, при всей неудовлетворительности этой полиціи, ее, по соображеніямъ финансоваго свойства, придется пока сохранить, согласовавъ лишь дѣйствующія о ней постановленія закона съ внесенными (въ декабрѣ 1908 года) министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственную думу законопроектами о волостномъ и поселковомъ управленіяхъ, построенныхъ на всесословномъ началѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія полагала, что волостного старшину, сельскаго старосту и десятскаго надлежитъ формально включить въ составъ особой сельской полиціи. Наконецъ, комиссія сочла нужнымъ оставить въ нынѣшнемъ видѣ существующую въ прибалтійскихъ губерніяхъ волостную и мызную полицію, основанную на исторически сложившихся бытовыхъ условіяхъ названнаго края, на который не предполагается также распространять и вышеупомянутые законопроекты о волостномъ и поселковомъ управленіяхъ.

Серьезнымъ несовершенствомъ современнаго полицейскаго строя, комиссія признала отсутствіе правильнаго распредѣленія между чинами полиціи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и надлежащей спеціализаціи этихъ чиновъ. Въ устраненіи сего, комиссія, по примѣру Германіи и Австріи, проектировала установить раздѣленіе подвѣдомственныхъ мѣстнымъ полицейскимъ управленіямъ чиновъ на 4 категоріи, съ возложеніемъ на каждую изъ нихъ отдѣльныхъ обязанностей: а) по поддержанію наружнаго порядка; б) по веденію дѣлъ административно-полицейскихъ; в) по судебно-уголовнымъ дѣламъ, и г) по розыску о происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки преступныхъ дѣяній. Соответственно съ этимъ, полиція раздѣляется въ проектѣ на: 1) наружную, 2) административную, 3) уголовную и 4) розыскную. Впрочемъ, отмѣченное раздѣленіе не имѣетъ характера обособленія полиціи на отдѣльныя

части, а должно выразиться только въ полезной для дѣла спеціализаціи полицейскихъ чиновъ по роду порученныхъ имъ дѣлъ.

Многіе крупныя недостатки современнаго полицейскаго строя завязаны отъ тѣхъ условій, въ которыхъ законъ, — съ одной стороны, а жизнь, съ другой — поставили самую службу въ полиціи. Какъ извѣстно, условія эти далеко не обезпечиваютъ исполнѣ удовлетворительнаго качественнаго состава служащихъ въ полиціи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не соответствуютъ во многомъ тому важному значенію, которое имѣетъ полицейская служба въ качествѣ необходимаго устоя государственнаго правопорядка. Чтобы поднять значеніе полицейской службы, комиссія нашла нужнымъ ввести въ проектъ учрежденія полиціи точное указаніе о томъ, какія лица вообще могутъ быть назначаемы на должности по уѣздной, городской и розыскной полиціи, а равно въ уѣздную полицейскую стражу, а также опредѣлить въ законѣ тѣ минимальныя требованія служебнаго и образовательнаго ценза, отсутствіе коихъ препятствуетъ занятію полицейскихъ должностей. Кромѣ того, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, согласно проекту учрежденія полиціи, учреждать для подготовки къ полицейской службѣ особые курсы и школы. Наряду съ этимъ, чтобы повысить и сдѣлать болѣе устойчивымъ служебное положеніе полицейскихъ чиновъ, комиссія признала полезнымъ присвоить болѣе высокіе классы полицейскимъ должностямъ, переименовать полицейскихъ исправниковъ въ уѣздные начальники, и создать необходимыя улучшенія въ порядкѣ увольненія чиновъ полиціи.

Малочисленность состава полиціи, по сравненію съ численностью и плотностью населенія, пользующагося ея служебнымъ трудомъ, была признана комиссіей вопросомъ, имѣющимъ весьма существенное значеніе. Въ цѣляхъ усиленія состава полиціи, главнымъ образомъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ, комиссія проектировала учредить новую должность помощника становаго пристава, постановивъ, что на каждае три уѣзда полагается по одной такой должности.

Комиссія рѣшительно высказалась за необходимость повышенія окладовъ содержанія полицейскихъ чиновъ, въ соответствіи съ чѣмъ выработала новые полицейскіе штаты. Согласно предположеннымъ комиссіею новымъ окладамъ и должностямъ, расходы на содержаніе полиціи должны выразиться, вмѣсто 35 милл. руб., расходуемыхъ въ настоящее время, въ 58 милл. руб., изъ коихъ около 14 милл. руб. должны упасть на города.

Наконецъ, остановившись на вопросѣ о распредѣленіи расходовъ на полицію между казною и городами, комиссія сочла наиболѣе правильнымъ точно установить въ издаваемомъ законѣ перечень тѣхъ расходовъ на полицію, которые должны быть отнесены на счетъ казны, и тѣхъ, которые покрываются изъ городскихъ средствъ, указать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если полицейскіе расходы города превысятъ опредѣленную норму, въ 15 проц. общаго итога смѣтныхъ городскихъ расходовъ, то они обязательно

принимается въ соответствующей части, превышающей упомянутую норму, на счетъ государственнаго казначейства.

Независимо отъ сего, комиссія отмѣтила чрезвычайную обремененность чиновъ полиціи множествомъ обязанностей, не имѣющимъ ничего общаго съ прямой ихъ задачею по охранѣ порядка и безопасности. Въ видахъ упорядоченія этой стороны дѣла комиссія, на основаніи тщательнаго пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, возлагающихъ на полицію тѣ или инныя обязанности, составила перечень обязанностей, кои подлежатъ сложенію съ чиновъ полиціи. На будущее время часть сихъ обязанностей, не имѣющихъ никакого реальнаго значенія, останется вовсе безъ исполненія, а часть перейдетъ къ существующимъ должностнымъ лицамъ другихъ вѣдомствъ, къ земскимъ и городскимъ общественнымъ установленіямъ, а также къ дворянскимъ, мѣщанскимъ, крестьянскимъ и проч. сословнымъ учрежденіямъ. Наконецъ, комиссія признала желательнымъ: а) отмѣнить обязанности полиціи по объявленію распоряженій и рѣшеній правительственныхъ мѣстъ и по врученію разнаго рода документовъ; б) сложить съ полиціи обязанности по врученію денегъ, по взысканію налоговъ и недоимокъ и по разсылкѣ окладныхъ листовъ и проч.

Однимъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ полицейскаго дѣла въ нынѣшней его постановкѣ комиссія признала отсутствіе одного общаго для руководства дѣятельностью чиновъ полиціи устава, особенно необходимаго въ періодъ реорганизации полиціи. Комиссія сочла нужнымъ замѣнить отжившій уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій новымъ, проектированнымъ ею, полицейскимъ уставомъ, въ которомъ сведены воедино всѣ главнѣйшія обязанности полиціи. При этомъ названный уставъ содержитъ въ себѣ постановленія двоякаго рода. Въ однихъ точно указаны условія и порядокъ производства полиціею лежащихъ на ея обязанности служебныхъ дѣйствій; въ другихъ же сдѣланы ссылки на тѣ части свода законовъ, кои опредѣляютъ особыя обязанности полиціи, вытекающія либо изъ прямого ея назначенія, либо изъ вспомогательной ея дѣятельности, въ качествѣ органа административной власти. Проектомъ новаго полицейскаго устава намѣчены, между прочимъ: 1) употребленіе чинами полиціи въ дѣло оружія, 2) институтъ карательныхъ постановленій и 3) правила о полицейскомъ надзорѣ.

Въ общее собраніе кассационныхъ департаментовъ сената поступило дѣло полицейскаго казака 1 уч. новочеркасской городской полиціи Попова въ виду разногласія, возникшаго между новочеркасской судебной палатой, съ одной стороны, и прокуроромъ той же палаты и областнымъ войска донскаго правленіемъ, съ другой стороны, по вопросу о направленіи этого дѣла.

Новочеркасская судебная палата возбудила противъ Попова уголовное преслѣдованіе въ порядкѣ 1085 ст. уст. угол. суд. по обвиненію его 2 ч. 348 и 1542 ст. ул. о нак., т. е. признало, что пре-

ступленіе совершено должностнымъ лицомъ и должно разсматриваться въ судебной палатѣ. Въ опредѣленіи палаты основаніемъ для признанія служебнаго характера инкриминируемаго Попову преступленія послужило то, что онъ во время совершенія преступленія состоялъ въ должности полицейскаго и что для приведенія въ исполненіе своего замысла, находясь по должности своей на посту, на улицѣ гор. Новочеркаска, въ присвоенной ему формѣ и пользуясь служебнымъ положеніемъ, безъ всякихъ основаній подвергнулъ случайно проходившую жену купца Елисееву личному задержанію, подъ предлогомъ доставленія ея въ участокъ для наложенія какого-то взысканія и что потерпѣвшая, подчиняясь только такому его служебному положенію, введенная имъ въ заблужденіе, послѣдовала за нимъ и, подъ видомъ сторожевой будки, была введена въ городское саду въ павильонъ и тамъ заперта имъ, лишена такимъ путемъ свободы и подвергнута изнасилованію, сопровождавшемуся угрозами и истязаніями, обнаженіемъ ея въ зимнее время и придавленіемъ ей при изнасилованіи мучительнаго для нея положенія.

Прокуроръ новочеркасской судебной палаты, а вмѣстѣ съ нимъ и областное войска донскаго правленіе не согласились съ этимъ опредѣленіемъ палаты и призвали, что дѣло это подсудно судебнымъ установленіямъ въ общемъ порядкѣ, по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1525, 1, 2, 3 и 5-мъ пунктамъ, 1526 ст. улож. о нак.

Настоящее дѣло, по вопросу о подсудности, будетъ слушаться въ общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ сената въ ближайшемъ засѣданіи.

Соединеннымъ присутствіемъ перваго и кассационныхъ департаментовъ сената преданъ суду членъ вѣрненскаго окружнаго суда, с. с. Петерсонъ по обвиненію въ оскорбленіи на словахъ въ совѣщательной комнатѣ во время постановки приговора входившаго въ составъ присутствія почетнаго мирового судьи почетнаго гражданина гор. Вѣрнаго и преподавателя мѣстной гимназіи с. с. Гурде. Это дѣло возникло по слѣдующему поводу. С. с. Гурде былъ приглашенъ 5 августа прошлаго года въ вѣрненскій окружный судъ для пополненія состава присутствія послѣдняго въ судебное его засѣданіе. Въ этотъ день присутствіе состояло изъ предсѣдательствующаго въ засѣданіи члена суда Давыдова, члена суда Петерсона и самого Гурде. Когда судъ удалился въ совѣщательную комнату для постановленія приговора по дѣлу о казакѣ Катунцевѣ, который обвинялся въ убійствѣ въ дракѣ, то тамъ между Гурде и Петерсономъ возникло разногласіе при опредѣленіи наказанія. Послѣ того, какъ Гурде высказался за примѣненіе низшей мѣры наказанія, Петерсонъ, возмущенный его мнѣніемъ, горячо протестовалъ. Предсѣдательствующій присоединился къ мнѣнію Гурде при опредѣленіи наказанія. Раздраженіе Петерсона возрасло, и онъ, между прочимъ, высказался, что это позоръ, что такими приговорами судъ развращаетъ общество и губитъ Россію. Но этимъ Петерсонъ не ограничился, а уже въ ѣдкой

и въ высшей степени оскорбительной для Гурде формѣ сказалъ: «Конечно, понятно, что для него, Гурде, какъ человѣка не русскаго, это все равно, но для русскіихъ—стыдно». Это выраженіе, совершенно неожиданное, показало Гурде чрезвычайно обиднымъ, и онъ вѣжливо просилъ Петерсона обратить вниманіе на то, что онъ такой же русскій человѣкъ, какъ и самъ Петерсонъ, что состоитъ на государственной службѣ 35 лѣтъ и почетнымъ мировымъ судьей 11 лѣтъ и что за это время никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода къ обвиненію его въ сознательной несправедливости или невнимательности при исполненіи служебныхъ обязанностей. Словами Гурде, сказанными спокойнымъ тономъ, Петерсонъ еще болѣе раздражился и, потерявъ уже всякое самообладаніе, сталъ порицать его дѣятельность не только какъ судьи, но и какъ преподавателя гимназіи въ самыхъ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ. Во исполненіе указа правительствующаго сената членомъ ташкентской судебной палаты было произведено разслѣдованіе. Членъ вѣрненскаго окружнаго суда Давыдовъ въ общемъ подтвердилъ все происходившее въ совѣщательной комнатѣ. Въ своихъ объясненіяхъ Петерсонъ также не отрицалъ того, что онъ говорилъ Гурде, но только указывалъ на то, что критика дѣйствій Гурде, какъ мирового судьи и какъ педагога, была высказана имъ въ спокойномъ и сдержанномъ тонѣ. Изъ дѣла, между прочимъ, выясняется, что въ первоначально написанномъ Петерсономъ особомъ мнѣніи по дѣлу Катунцева было прибавлено: «Я крайне возмущенъ такимъ приговоромъ и мнѣ было стыдно и обидно участвовать въ публичномъ объявленіи резолюціи по этому дѣлу; такіе приговоры обращаютъ судъ въ шутку, въ глумленіе надъ правосудіемъ, въ недостойную комедію, которая, однако, стоитъ народу слишкомъ дорого». Это мѣсто изъ особаго мнѣнія было выкинуто потомъ Петерсономъ, такъ какъ оно, по словамъ послѣдняго, очень огорчило председательствующаго Давыдова. Сенатъ опредѣлялъ: члена вѣрненскаго окружнаго суда Петерсона предать суду ташкентской судебной палаты по 1 ч. 347 и 286 ст.ст. улож. о наказ.

Въ совѣтѣ министровъ назначено разсмотрѣніе разработаннаго министерствомъ торговли и промышленности законопроекта о признаніи за изобрѣтателями права собственности на изобрѣтенія, могущія служить цѣлямъ обороны государства.

Законопроектъ обуславливаетъ приобрѣтеніе военнымъ и морскимъ вѣдомствами правъ на изобрѣтеніе по добровольному соглашенію съ изобрѣтателемъ и предусматриваетъ возможность отчужденія изобрѣтенія въ случаѣ недостиженія добровольнаго соглашенія.

Управляющій отдѣломъ промышленности министерства торговли и промышленности В. П. Литвиновъ-Фалинскій командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Германію, Францію и Италію для собиранія свѣдѣній и матеріаловъ по вопросу о страхованіи рабочихъ.

Дѣло доктора медицины г. Новикова и редактора «Ур. Края» И. П. Вогулкина, по обвиненію—перваго въ написаніи, а втораго въ напечатаніи въ «Ур. Краѣ» письма подъ заголовкомъ «Кому законъ не писанъ», признаннаго екатеринбургскимъ окружнымъ судомъ для себя оскорбительнымъ, судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ г. Екатеринбургскаго слѣдствіемъ уже закончено и направлено въ сенатъ для передачи его на разсмотрѣніе какого-либо изъ окружныхъ судовъ сосѣднихъ судебныхъ округовъ, такъ какъ екатеринбургскій окружной судъ, какъ заинтересованная сторона, по закону разсматривать его не можетъ.

Имѣются налицо всѣ основанія предполагать, что дѣло гг. Новикова и Вогулкина будетъ передано на разсмотрѣніе уфимскаго окружнаго суда.

Военнымъ вѣдомствомъ предположена реформа дисциплинарныхъ частей и военныхъ тюремъ. Для разработки плана проектируемой реформы образуется при главномъ военно-судномъ управленіи временный военно-тюремный отдѣлъ, въ который будутъ переданы изъ главнаго штаба и подлежащихъ главныхъ управленій всѣ дѣла по военно-тюремной части.

Въ Благовѣщенскѣ, по распоряженію министра юстиціи, вслѣдствіе донесеній Гучкова, производилось разслѣдованіе ужаснаго положенія арестантовъ на постройкѣ амурской желѣзной дороги. Разслѣдованіе производили лица, причастныя косвенно къ установленнымъ порядкамъ и, конечно, пришли къ выводу, что донесенія Гучкова только частью справедливы. Штатъ надсмотрщиковъ будетъ замѣненъ другимъ. Фактические же руководители распорядковъ останутся прежніе. Положеніе арестантовъ послѣ разслѣдованія еще ухудшилось. Арестанты бѣгутъ. Этому надо приписать все увеличивающееся число разбоевъ.

Библиографія.

Ph. Millet „La crise anglaise“ 3 fr. 50 c. Paris, Colin.

Современный англійскій кризисъ, описанію котораго посвящена интересная книга Милле, можно разсматривать съ двухъ самостоятельныхъ точекъ зрѣнія: чрезвычайный интересъ для изслѣдователя представляетъ, во-первыхъ, финансовая сторона кризиса, нашедшая свое выраженіе въ „соціалистическомъ“ бюджетѣ Ллойдъ-Джорджа и въ принципиальномъ призваніи законности новаго, если можно такъ выразиться, этическаго критерія податнаго обложенія (обложеніе не только по количеству, но и по источнику доходовъ),—и глубоко интересна и поучительна, во-вторыхъ, та эволюція государственныхъ учреждений, которая происходитъ въ Англии на нашихъ глазахъ и заслуживаетъ самаго внимательнаго анализа.

Милле въ своей книгѣ объ англійскомъ кризисѣ пытается охватить обѣ стороны вопроса. Не приходится поэтому удивляться тому, что при всей сложности обонхъ заданій автора, при его стремленіи иллюстрировать изложеніе рядомъ живыхъ и занимательныхъ картинокъ изъ англійской жизни, которыя авторъ имѣлъ возможность наблюдать въ качествѣ лондонскаго корреспондента газеты „Le Temps“,—

280 страниц книги оказались недостаточными для полной обрисовки переживаемой Англией эволюции.

Особенно пострадала часть книги, посвященная анализу чисто-конституционного кризиса. Совершенно обойдено молчаньем то любопытное с теоретической точки зрѣнія разрѣшеніе конфликта между двумя палатами, которое было предложено рядом видных консервативных дѣятелей Англии (въ томъ числѣ лидеромъ уніонистовъ Бальфуромъ) и заключалось въ попыткѣ пересадить на английскую почву чуждый ей институтъ референдума, ни слова рѣчь и о соединенныхъ засѣданіяхъ палатъ, предлагаемыхъ многими (по примѣру южно-африканской и австралийской федерацій) въ качествѣ средства для разрѣшенія разногласій, возникающихъ между палатой общинъ и палатой лордовъ. Вето-билль Асквита въ части, касающейся ограниченія палаты лордовъ въ вопросахъ законодательныхъ, актуальныхъ отношеній между палатами, ослабленіе представительнаго характера нижней палаты, — все это проблемы, оставшіяся почти внѣ поля зрѣнія рецензируемаго автора.

Только три вопроса въ области конституціоннаго конфликта обратили на себя вниманіе Милле: финансовыя права верхней палаты, „слабость“ (неустойчивость) английской конституціи и реформа состава палаты лордовъ. Посвятивъ нѣсколько страницъ курьезному обзорнѣю постепеннаго ослабленія за послѣднія столѣтія власти верхней палаты въ области финансовыхъ дѣлъ, рецензируемый авторъ переходитъ къ вопросу о „слабости“ английской конституціи и высказываетъ не лишній справедливости взглядъ, что въ основѣ английской государственной жизни лежатъ не всѣми признаваемые, освѣщенные вѣками обычай, какъ думаютъ многие, а „двѣ различныя, а часто и противорѣчащія другъ другу системы обычая: палаты общинъ и палаты лордовъ“ (76 страницъ).

Въ небольшой по размѣру главѣ о реформѣ состава палаты лордовъ авторъ ограничивается однимъ взлосеніемъ проекта, выработаннаго особымъ комитетомъ, избраннымъ палатой лордовъ (Select Committee on the House of Lords) въ 1908 году, — не подвергая указанный весьма несовершенный проектъ ни критикѣ, ни сравненію съ другими многочисленными предложеніями.

Но если разсмотрѣніе текущаго англійскаго кризиса съ государственно-правовой точки зрѣнія оставляетъ желать многого и не можетъ дать отчетливой картины конституціонной жизни Англии за послѣдніе годы, то по справедливости слѣдуетъ признать, что финансовая и политико-экономическая сторона кризиса освѣщены авторомъ съ гораздо большими полнотой и знаніемъ дѣла.

Не ограничиваясь „вышнимъ“ изложеніемъ бюджетнаго конфликта, авторъ даетъ ясное и довольно подробное описаніе экономическихъ причинъ, его породившихъ.

Изъ представителей различныхъ факторовъ производства бюджетъ Ллойд-Джорджа всего сильнѣе отразится на крупныхъ землевладѣльцахъ. Милле посвящаетъ значительную часть изложенія выясненію земельныхъ отношеній, существующихъ въ Англии, и попутно пытается доказать, что принципъ свободной торговли въ значительной мѣрѣ способствуетъ ослабленію земледѣльческой промышленности въ Англии.

Нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ темы, вытекающимъ изъ самаго характера работы (это собраніе писемъ, печатавшихся въ „Le Temps“), является привлеченіе авторомъ хроническаго въ англійской жизни вопроса о свободной торговлѣ или протекціонизмѣ. Но какъ разъ главы, трагующія объ этомъ вопросѣ, представляютъ несомнѣнный интересъ, усиливаемый приложеніемъ къ книгѣ статистическихъ таблицъ, касающихся Англии, ея колоній и того вліянія, которое принуждена была бы испытать Фран-

ція въ случаѣ осуществленія англійской тарифной реформы.

Книга читается легко и усваивается даже мало подготовленнымъ читателемъ, но указанныя ея недостатки дѣлаютъ ее непригодной для полной и всесторонней оцѣнки переживаемыхъ Англией событий.

Борисъ Шапкинъ.

Судебная и судебно-административная практика.

Гражданскій кассац. деп. правит. сената.

Если застрахованный въ компаніи „Надежда“ грузъ погибъ отъ мины послѣ прекращенія войны, то можно ли признать компанію не отвѣтственной по смыслу § 8 условій перевозки застрахованныхъ кладей, освобождая компанію отъ отвѣтственности за убытки отъ военныхъ дѣйствій?

С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ удовлетворилъ искъ Бориса Трей къ с.-петербургской компаніи „Надежда“ о взысканіи 450 р. страховой преміи за погибшій грузъ на пароходѣ „Князь Горчаковъ“, который насочилъ на мину и затонулъ вмѣстѣ съ грузомъ, на томъ основаніи, что какъ по буквальному, такъ и по общему смыслу п. п. § 8 заключеннаго сторонами договора, логически не допускающему существованія военныхъ дѣйствій въ мирное время, „военныя дѣйствія“ являются обстоятельствомъ, устраняющимъ отвѣтственность отвѣтчика въ томъ случаѣ, если грузъ погибнетъ во время войны отъ военныхъ дѣйствій, а не отъ послѣдствій таковыхъ уже послѣ окончанія войны. Въ виду сего и принявъ во вниманіе, что какъ самый договоръ между сторонами, такъ и несчастный случай съ пароходомъ „Кн. Горчаковъ“ произошелъ уже послѣ войны, когда жизнь стала протекать при нормальныхъ условіяхъ и степень риска стала обыкновенной, надлежитъ признать, что пароходъ „Кн. Горчаковъ“ погибъ не отъ военныхъ дѣйствій, а потому компанія „Надежда“ и является обязанной вознаграждать истца за понесенные имъ убытки, происшедшіе отъ гибели груза.

Правительствующій сенатъ въ опредѣленіи, не подлежащемъ помѣщенію въ сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента, находить: 1) что мировой съѣздъ, установивъ, что лично отъ истца была подучена телеграмма съ просьбою о разсмотрѣніи дѣла въ отсутствіе его, выводъ о чемъ относится къ существу дѣла, не подлежащему повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ (ст. 5 учр. суд. уст.), имѣлъ, согласно 145 ст. уст. гр. суд., достаточное основаніе признать, что настоящее дѣло не могло подлежать прекращенію по неявкѣ истца, проживающаго въ Никольскѣ-Уссурийскомъ, и тѣмъ самымъ оставивъ безъ разсмотрѣнія вторую телеграмму лица неуправомоченнаго; 2) что указаніе просителя въ кассационной жалобѣ на то, что съѣздъ оставилъ безъ обсужденія заявленіе его, просителя, въ качествѣ отвѣтчика, объ оставленіи упомянутыхъ телеграммъ безъ движенія за неоплатою ихъ листовымъ сборомъ, не заслуживаетъ уваженія, ибо вторая телеграмма съѣздовъ, какъ выше значится, не была принята во вниманіе; входитъ же въ обсужденіе вопроса о томъ, была ли первая телеграмма оплачена листовымъ сборомъ, съѣздъ не имѣлъ повода, такъ какъ ему по этому предмету отвѣтчикомъ не было сдѣлано заявленія; 3) что, согласно разъясненіямъ гражданскаго кассационнаго департамента правит. сената, условія страхованія, напечатанныя на полисѣ (или квитанціи) и не утвержденныя подлежащею властью (министромъ внутреннихъ дѣлъ),

имѣютъ значеніе лишь условій договора и подчиняются общимъ законамъ о договорахъ, толкованіе которыхъ составляетъ существо дѣла, не подлежащее повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ (рѣш. 1868 г. № 703, 1888 г. № 20, 1897 г. № 62, 1907 г. № 23, 1898 г. № 93); 4) что условія перевозки компаніею „Надежда“ застрахованной клади, начатанной на вѣтанціи, не утверждены въ установленномъ порядкѣ надлежащею властью и посему мировой сѣздъ, признавъ, что пароходъ „Кн. Горчаковъ“, на которомъ перевозился застрахованный въ компаніи „Надежда“ грузъ, погибъ не отъ военныхъ дѣйствій, заключеніе о чемъ относится къ существу дѣла, не подлежащему повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ (рѣш. 1907 г. № 93), имѣлъ достаточное основаніе, отвергнувъ ссылку компаніи „Надежда“ о неотвѣтственности за несчастный случай по п. 8 общихъ условій перевозки застрахованной въ компаніи клади, присудить требуемое истцомъ страховое вознагражденіе; 5) что при самостоятельности главнаго основанія рѣшенія, не могутъ служить поводомъ къ отмѣнѣ его указанія на неправильность дополнительныхъ, по признанію самого просителя, соображеній (рѣш. 1907 г. № 65, 1900 г. № 26), и 6) что приводитъ въ рѣшеніи критической разборъ каждаго довода судъ не обязанъ (рѣш. 1887 г. № 10, 1900 г. № 12, 1908 г. № 6). Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ кассационную жалобу повѣреннаго ликвидационной комиссіи по дѣламъ с.-петербургской компаніи „Надежда“ оставилъ безъ послѣдствій. (Опредѣленіе по дѣлу № 9258—1908 г.).

Первый департаментъ правит. сената.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что, по общему смыслу ст. 470 уст. о прям. нал., статья эта, предусматривая въ числѣ расходовъ „на управленіе, содержаніе и эксплуатацію предпріятія (п. 1)“ расходы на уплату государственныхъ налоговъ (лит. о), допускаетъ къ исключенію изъ валового дохода лишь такіе расходы этой категоріи, которые, будучи тѣсно связаны съ самой дѣятельностью предпріятія, являются для него необходимыми эксплуатаціонными расходами, обусловливаемыми либо самимъ существованіемъ предпріятія (напр., промысловый налогъ), либо его операціями (напр., акцизные, таможенные, гербовые сборы); крѣпостныя же пошлины, уплачиваемыя предпріятіемъ при переходѣ въ его собственность недвижимаго имущества, не могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ эксплуатаціонныхъ расходовъ, а входятъ въ сумму затратъ по приобрѣтенію имущества. Въ виду сего затраты эти, направленные къ расширенію предпріятія, не подлежатъ исключенію изъ валового дохода въ годъ ихъ производства, по смыслу лит. б п. 2 ст. 470 уст. прям. нал., а должны отражаться соответственнымъ увеличеніемъ актива баланса и погашаться не одновременно, а постепенно въ порядкѣ лит. в. п. 2 той же 470 ст. (Указъ отъ 6 іюля 1911 г. за № 7709).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что, согласно ст. 424 уст. прям. нал., изд. 1903 г., торговымъ предпріятіямъ 3 разряда по скупкѣ для перепродажи партіями всякаго рода отечественнаго сырья, сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ предпріятій и т. п. разрѣшается содержать не болѣе двухъ складочныхъ помѣщеній и, притомъ, исключительно лишь въ предѣлахъ поселенія, гдѣ владѣлецъ предпріятія имѣетъ постоянное жительство, вслѣдствіе чего нахожденіе склада внѣ предѣловъ такого поселенія является признакомъ, коимъ предпріятіе независимо отъ размѣровъ оборота и суммы скупки, должно быть отнесено къ высшему разряду, какъ это разъяснено правит. сенатомъ въ указѣ 23 февр. 1909 г. № 2212. (Указъ отъ 28 іюня 1911 года за № 7548).

Правительствующій сенатъ по вопросу о томъ, поскольку могутъ быть допущены къ исключенію изъ валового дохода при исчисленіи прибыли, облагаемой дополнительнымъ процентнымъ сборомъ, частичныя списанія на погашеніе убытковъ по переопѣнкѣ процентныхъ бумагъ за 1904, 1905 и 1906 года, разъяснилъ, что законъ 24 декабря 1904 года, вызванный рѣзкимъ пониженіемъ цѣны процентныхъ бумагъ въ 1904 г., угрожающимъ нѣкоторымъ предпріятіямъ въ случаѣ обязательнаго списанія въ убытокъ происшедшей разницы въ цѣнѣ процентныхъ бумагъ, наступленіемъ обязательной для тѣхъ предпріятій по ихъ уставамъ ликвидациіи (Высоч. утв. 23 дек. 1904 г. полож. комит. фин.; собр. узак. 1904 г. № 200, ст. 2049), не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній по данному вопросу. Между тѣмъ, по точному смыслу лит. 3 п. 1 ст. 470 уст. прям. нал., изъ валового дохода предпріятій при исчисленіи ихъ податной прибыли могутъ быть исключаемы лишь дѣйствительно произведенныя изъ сего дохода отчисленія на покрытие убытковъ, понесенныхъ въ операціонномъ отчетномъ году, а не на покрытие убытковъ за прежніе годы. Однако, законъ 23 декабря 1904 г., имѣвшій цѣлью предоставить указаннымъ въ немъ предпріятіямъ извѣстную льготу, очевидно не имѣлъ въ виду поставить предпріятія, воспользовавшіяся этою льготою, въ неблагоприятныя условія по сравненію съ предпріятіями, этою льготою не воспользовавшимися; между тѣмъ, буквальное примѣненіе лит. 3 п. 1, ст. 470 уст. о прям. нал. имѣло бы слѣдствіемъ значительную разницу въ обложеніи промысловымъ налогомъ предпріятій, воспользовавшихся предоставленною имъ льготою на погашеніе убытковъ отъ переопѣнки процентныхъ бумагъ по сравненію съ предпріятіями, этою льготою не воспользовавшимися, къ невыгодѣ первыхъ. Затѣмъ, разсрочка погашенія убытковъ по переопѣнкѣ процентныхъ бумагъ была произведена предпріятіями не самовольно, а на основаніи спеціальнаго закона, изданнаго въ цѣляхъ облегченія положенія учреждений, понесшихъ убытки исключительно вслѣдствіе требованія закона и уставовъ о помѣщеніи значительной части ихъ капиталовъ въ государственныя и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что учрежденія, воспользовавшіяся предоставленною имъ закономъ 23 декабря 1904 г. льготою, въ дальѣйшемъ обязывались тѣмъ же закономъ производить въ опредѣленномъ порядкѣ отчисленія на покрытие оставшейся несписанною одновременно въ убытокъ суммы, правительствующій сенатъ находить, что суммы, которыя должны въ размѣрѣ не менѣе $\frac{1}{2}$ части образовавшейся разницы списывать ежегодно изъ прибылей, не могутъ считаться убыткомъ 1904, 1905 и 1906 г.г., а являются убыткомъ того года, въ которомъ произведено списаніе, а потому и не подлежатъ включенію въ составъ податной прибыли отчетнаго года. (Указъ отъ 28 іюня 1911 года за № 7550).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что такъ какъ въ товариществахъ на вѣрѣ участниками въ дѣлѣ и его прибыляхъ являются товарищи и вкладчики, то необходимо признать, что находящіяся въ оборотѣ предпріятія капиталы, не принадлежащіе ни товарищамъ, ни вкладчикамъ, должны быть разсматриваемы въ качествѣ капиталовъ заемныхъ долговыхъ, а потому расходы на уплату процентовъ по такимъ капиталамъ подлежатъ вычету изъ дохода предпріятія въ указанномъ въ законѣ размѣрѣ. (Указъ отъ 28 іюня 1911 года за № 7551).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что хотя согласно п. а ст. 5 пол. о гор. общ. банк. (св. зак. т. XI ч. 2 уст. кред., разд. XI, изд. 1903 г.) должности директора банка и его товарищей и несомнѣстимы съ званіемъ гласнаго думы, однако это указаніе закона, за неимѣніемъ въ дѣйствующемъ горо-

довомъ положеніи воспрещенія лицамъ, занимающимъ должности товарищей директора городского общественаго банка, принимать участіе въ выборахъ гласныхъ и самимъ баллотироваться въ гласные, — не можетъ еще служить основаніемъ къ воспрещенію упомянутымъ лицамъ баллотироваться въ гласные, такъ какъ сказанная статья касается непосредственно вопроса лишь о совмещеніи званія гласнаго съ должностю по городскому общественному банку, возникающаго уже послѣ избранія директора или товарищей директора городского общественаго банка въ гласные; право быть гласнымъ, въ силу того же закона, можетъ быть имъ осуществлено лишь подъ условіемъ оставленія прежней должности по банку. (Указъ отъ 11 іюля 1911 года за № 7883).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что такъ какъ, на точномъ основаніи ст. 24 гор. пол. 1892 г., правомъ участія въ выборѣ гласныхъ пользуются лица, если они не менѣе года владѣютъ въ предѣлахъ городского владѣнія недвижимымъ имуществомъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ, то хотя правит. сенатомъ и признавалось, что требованіе закона о годичномъ срокѣ владѣнія недвижимымъ имуществомъ, какъ имѣющее своею цѣлью оградить городское управленіе отъ лицъ, не пріобрѣвшихъ достаточно прочной связи съ данною мѣстностью и ея интересами, можетъ не быть соблюдаемо въ отношеніи коренныхъ жителей города, однако разъясненія эти касались лишь тѣхъ случаевъ, когда лицо непрерывно проживало въ теченіе долгаго времени въ данной мѣстности и владѣло уже недвижимымъ имуществомъ, но въ размѣрѣ, не достигающемъ полнаго избирательнаго ценза. (Указъ отъ 11 іюля 1911 г. за № 7883).

Второй департаментъ правит. сената.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что сельское общество не въ правѣ обезземеливать своихъ членовъ при общихъ передѣлахъ; тѣхъ же домохозяевъ, которые, отсутствуя изъ мѣста своего жительства, осѣлости въ обществѣ не имѣютъ и хозяйства въ немъ не ведутъ, оно въ правѣ не надѣлать полевою землею только впередъ до возвращенія ихъ въ общество и обзаведенія хозяйствомъ; причемъ, домохозяева, оглучившіеся по срочному паспорту, не могутъ быть исключены изъ числа домохозяевъ, и земля ихъ разверсткѣ между односельчанами не подлежитъ. (Указъ по дѣлу кр. н. д. Березниковъ № 672—1910 г.).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что лица женскаго пола, состоя домохозяйками въ моментъ требованія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность, имѣютъ право (ук. 14 іюля 1910 г. № 4257) на бесплатное укрѣпленіе за ними причитающагося на ихъ долю — пай участка земли, хотя бы таковые по условіямъ общаго передѣла распределялись на души мужскаго пола. (Указъ по дѣлу Волобуевой № 609—1910 г.).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что обложенію мірскими сборами на нужды волости подлежать (рѣш. 1906 г. № 4665, 1907 г. № 3503 и др.) наравнѣ съ крестьянскими надѣльными землями и земли, пріобрѣтенныя товариществами при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, такъ какъ сіи земли, на основаніи прим. 2 къ ст. 42 (прим. 1 къ ст. 49, изд. 1902 г.) общ. пол. крест., образуютъ территорію волости, причемъ ни въ законѣ (ст. 359—370 общ. пол. крест., изд. 1902 г.), ни въ одномъ изъ приведенныхъ разъясненій такового сенатомъ не содержится какихъ-либо указавій на то, чтобы владѣніе крестьянами, помимо товарищеской, еще и на-

дѣльной землею освобождало бы первую отъ платежа мірскихъ повинностей, если только основаніемъ раскладки является земля. (Указъ по дѣлу Розгона и др. № 744—1910 г.).

Судебный департаментъ правит. сената.

Въ своей жалобѣ московскому коммерческому суду повѣренный торговаго дома „С. Н. Дмитріевъ, А. Н. Сергѣевъ и П. Е. Рогожинъ“ объяснилъ, что присяжный попечитель, назначенный къ дѣламъ торговаго дома „С. С. и Е. В. Корзинкины и Ко“, не оповѣстивъ наличныхъ кредиторовъ торговаго дома и не получивъ общаго отъ нихъ уполномочія, вступилъ въ производящіяся въ московскомъ окружномъ судѣ исковыя дѣла администраціи означеннаго дома съ разными лицами и выдалъ на веденіе этихъ дѣлъ довѣренность прис. пов. Адели. Признавая означенныя дѣйствія присяжнаго попечителя неправильными, повѣренный торговаго дома „С. Н. Дмитріевъ, А. П. Сергѣевъ и П. Е. Рогожинъ“, просилъ коммерческій судъ предписать присяжному попечителю истребовать обратно отъ прис. пов. Адели выданную ему довѣренность, а отъ участія въ судебныхъ процессахъ воздержаться.

Московский коммерческій судъ въ просьбѣ отказалъ, признавъ, что присяжный попечитель, будучи фактически лишенъ возможности созвать общее собраніе кредиторовъ, въ правѣ былъ, какъ „добрый хозяинъ“, принять мѣры къ защитѣ интересовъ торговаго дома, не ожидая общаго собранія.

Правительствующій сенатъ призналъ частную жалобу повѣреннаго торговаго дома „С. Н. Дмитріевъ, А. Н. Сергѣевъ и П. Е. Рогожинъ“ незаслуживающею уваженія въ виду того, что хотя по смыслу ст. 425—429 уст. суд. торг. присяжный попечитель вообще дѣйствуетъ вмѣстѣ съ наличными кредиторами, однако это положеніе не исключаетъ необходимости принятія имъ въ исключительныхъ случаяхъ мѣры по охранѣ имущества несостоятельнаго единлично и не дѣлаетъ ихъ посему безусловно неправильными, а для кредитора, признающаго его дѣйствія неправильными, даетъ лишь поводъ къ жалобѣ суду, которому подчиненъ въ своихъ дѣйствіяхъ присяжный попечитель съ цѣлью разъясненія, не противорѣчатъ ли принятія мѣры обязанностямъ попечителя и законному порядку (рѣш. 1893 г. № 778 и др.); на попечителя же возлагается обязанность довести о принятыхъ мѣрахъ до свѣдѣнія суда и кредиторовъ, какъ хозяевъ массы, при дачѣ отчета до одобренія его дѣйствій (ст. 456 и 457 уст. суд. торг.). А такъ какъ дѣйствія присяжнаго попечителя уже были въ послѣдствіи предметомъ обсужденія кредиторовъ въ общемъ собраніи и имъ одобрены, то къ обсужденію ихъ правильности или неправильности основаній не оказывается. (Указъ отъ 24 іюня 1911 года за № 1662).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что при отсутствіи или непредставленіи товарищескаго договора, товарищи вообще предполагаются равноправными, т. е. свободными отъ обязанности отчитываться другъ передъ другомъ; поэтому при отсутствіи товарищескаго договора для признанія за однимъ изъ соучастниковъ общаго предпріятія права требовать по одному отчету отъ другого необходимо установить такія обстоятельства, какъ напримѣръ фактъ веденія общаго дѣла всецѣло однимъ изъ соучастниковъ, который фактически устанавливалъ бы и оправдывалъ необходимость отчетности одного передъ другимъ. (Указъ по д. Новакъ отъ 23 - го іюня 1911 года за № 1708).

Повѣренный А. Суворина въ своей жалобѣ прав. сенату указывалъ на неправильное исчисленіе с-пе-

тербургскимъ коммерческимъ судомъ срока на подачу жалобы на его опредѣленіе.

Правительствующій сенатъ призналъ, что по смыслу ст. 345 и 356 уст. суд. торг. разъясненному неоднократными опредѣленіями правит. сената (опред. 1889 г. № 1867 и др.) опредѣленіе частное, состоявшееся въ личномъ присутствіи обѣихъ сторонъ или ихъ повѣренныхъ, объявляется имъ тутъ же лично, съ какового дня и долженъ нечисляться установленный ст. 365 уст. суд. торг. восьмидневный на обжалованіе срокъ, и уже отъ сторонъ зависитъ, по смыслу 347, ст. являться въ канцелярію суда и освѣдомляться о послѣдовавшихъ опредѣленіяхъ и мотивахъ суда; если же правительствующимъ сенатомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и признавалась необходимость исчисления срока не со дня провозглашенія резолюціи, а со времени объявленія изложеннаго на письмѣ опредѣленія въ окончательной формѣ, то это касалось опредѣленій, хотя и разрѣшавшихъ дѣло по существу, но лишь разсматриваемыхъ по закону въ частномъ порядкѣ. Что же касается указанія жалобщика на невозможность обжалованія до объявленія мотивовъ опредѣленія суда, то оно представляется неуважительнымъ, такъ какъ незнаніе мотивовъ не препятствовало принесенію частной жалобы, для сохраненія срока на обжалованіе и послѣдующаго ея дополненія (Указъ отъ 23 іюня 1911 года за № 1705).

Указы с.-петербургскому коммерческому суду.

По иску варшавской конторы государственнаго банка къ администраціи по д. акціонернаго общества фабрики занавѣсей и кружевныхъ мануфактуръ „М. С. Файнкиндъ“ объ обращеніи ея въ конкурсъ, апелляторъ изложилъ, что судомъ не соблюдены правила ст. 166—182 уст. суд. торг. о вызовѣ отвѣтчика, такъ какъ суду надлежало вызвать всѣхъ четырехъ администраторовъ, а въ виду выбытія двухъ изъ нихъ приостановить разборъ дѣла впредь до выбора новыхъ.

Правительствующій сенатъ находитъ это указаніе неправильнымъ, такъ какъ на обязанности суда лежало вызвать отвѣтчика, т. е. администрацію по дѣламъ общества, что и было исполнено, а уже отъ администраціи зависѣло явиться въ судъ въ лицѣ установленнаго числа администраторовъ или особаго уполномоченнаго. Что же касается указанія повѣреннаго администраціи Брамсона на то, что одинъ изъ трехъ администраторовъ, подписавшихъ ему довѣренность, выбылъ изъ состава администраціи, а потому требуется новая довѣренность, то оно не имѣетъ значенія, такъ какъ Брамсонъ являлся уполномоченнымъ администраціи, а не отдѣльныхъ администраторовъ, поэтому и измѣненія въ личномъ составѣ администраціи представляются для силы довѣренности безразличными, и Брамсонъ продолжалъ оставаться повѣреннымъ администраціи, несмотря на выбытіе одного изъ администраторовъ (рѣш. гр. касс. деп. 1893 г. № 13, 1877 г. № 254). Точное соблюденіе правилъ ст. 166—182 уст. суд. торг. о вызовѣ отвѣтчика и отложеніе при неявкѣ разбора дѣла необходимо при первоначальномъ вызовѣ сторонъ, но разъ отвѣтчикъ являлся въ судъ и давалъ отвѣтъ, дальнѣйшее отложеніе разсмотрѣнія дѣла зависитъ отъ усмотрѣнія суда въ зависимости отъ степени выясненія дѣла. Въ виду сего правительствующій сенатъ рѣшеніе коммерческаго суда, коимъ искъ былъ удовлетворенъ, оставилъ въ силѣ. (Указъ отъ 14 іюня 1911 года за № 1590).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что по общему смыслу ст. 181, 182, 352 и 353 уст. суд. торг., а также ст. 310 уст. гр. суд., рѣшеніе суда, состоявшееся безъ бытности отвѣтчика, вызваннаго къ суду

и являвшагося въ засѣданія суда и не присутствовавшего лишь при постановленіи рѣшенія, а затѣмъ выбывшаго безъ вѣдома суда и безъ указанія новаго мѣстожителства, считается объявленнымъ со дня, обозначеннаго въ повѣсткѣ, при которой послана копія съ рѣшенія по заявленному въ судѣ мѣсту жительства. (Указъ по д. Вольсова отъ 14 іюня 1911 года за № 1592).

С.-петербургскій коммерческій судъ по дѣлу В. Скородумова съ управленіемъ жел. дорогъ призналъ, что ст. 125 общ. уст. росейск. жел. дор., устанавливающая въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ въ изытаніе изъ общаго правила общегражданскую подсудность предъявляемыхъ къ нимъ исковъ по перевозкѣ, распространяется и на контрагентовъ желѣзн. дорогъ по договорамъ о перевозкѣ грузовъ по прямому сообщенію, на основаніи 10 и 120 ст. общ. уст. ж. дор.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что ст. 125 общ. уст. жел. дор., являясь закономъ спеціальнымъ, отмѣняющимъ дѣйствіе общихъ законовъ по дѣламъ извѣстнаго рода, не можетъ подлежать распространительному толкованію; въ виду сего и за отсутствіемъ прямого указанія на иски, предъявляемые къ пароходствамъ, какъ въ этой, такъ и въ 128 ст. устава жел. дор., эти спеціальныя законоположенія не могутъ быть распространяемы на перевозку грузовъ пароходнымъ обществомъ, хотя бы грузъ перешелъ къ нему отъ желѣзной дороги по договору о перевозкѣ прямого сообщенія. Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ, отмѣнивъ опредѣленіе коммерческаго суда, призналъ настоящее дѣло ему подсуднымъ. (Указъ отъ 14 іюня 1911 года за № 1598).

Указъ московскому коммерческому суду.

Въ исковомъ прошеніи повѣренный московской коммерческой биржевой артели изложилъ, что отвѣтчикъ, атлетъ Ив. Лебедевъ, арендуя въ 1909 г. театр „Акваріумъ“ въ Москвѣ, взялъ отъ коммерческой биржевой артели для службы въ театрѣ 9 человекъ артельщиковъ съ платою по 60 руб. въ мѣсяцъ и принялъ отъ артели въ обезпеченіе аккуратной ихъ службы залогъ первоначально въ суммѣ 4.000 руб. и добавочно—1.000 руб. Не уплативъ причитающагося артельщикамъ жалованья, Лебедевъ отказался возвратитъ артели и залогъ въ 5.000 руб., каковую сумму повѣренный артели и просилъ присудить въ пользу исца.

Лебедевъ заявилъ отводъ о неподсудности сего иска коммерческому суду на томъ основаніи, что онъ является антрепренеромъ театра „Акваріумъ“, и такъ какъ настоящий искъ вытекаетъ изъ эксплуатаціи театральнаго предпріятія, то онъ, какъ таковой, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ правит. сената, коммерческому суду неподсуденъ.

Московскій коммерческій судъ нашелъ отводъ о неподсудности не заслуживающимъ уваженія, такъ какъ указываемыя разъясненія сената предусматриваютъ лишь иски объ арендѣ театра и отношеніяхъ сторонъ по театральному антрепризѣ, между тѣмъ должности контролеровъ и кассировъ, на которыя взяты артельщики, прямого отношенія къ театральному антрепризѣ не имѣютъ.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что ссылка Лебедева на разъясненія сената не представляется правильной, ибо правит. сенатомъ признавались неподсудными коммерческому суду лишь иски, вытекающіе изъ отношеній по театральному антрепризѣ, т. е. изъ отношеній между антрепренеромъ и артистическою труппою, каковыя отношенія не могутъ быть признаны торговыми; но коль скоро дѣятельность антрепренера касается эксплуатаціи театра, какъ источника доходовъ, то она утрачиваетъ свой неторговый характеръ, почему правит. сенатъ и

признавал неподсудными коммерческому суду иски къ антрепренерамъ по отношеніямъ ихъ съ арендаторами вѣшалокъ, содержателями буфетовъ и т. п. Въ виду сего въ каждомъ данномъ случаѣ, когда возникаетъ споръ о подсудности коммерческому суду иска къ антрепренеру, разрѣшенію суда подлежитъ вопросъ о томъ, протекаютъ ли отношенія, на коихъ исебъ основанъ, изъ дѣятельности антрепренера, какъ контрагента артистической труппы, или изъ его дѣятельности по извлеченію доходовъ отъ театральнаго предпріятія. Въ отношеніи сего вопроса въ примѣненіи къ настоящему дѣлу правит. сенатъ

находить, что обращенный къ Лебедеву искъ имѣеть основаніемъ своимъ договоръ о наймѣ 9 артедльщиковъ для несенія должностей кассировъ и контролеровъ, каковой договоръ не можетъ быть признанъ имѣющимъ торговый характеръ, ибо наемъ кассировъ и контролеровъ имѣеть исключительную дѣлю ту сторону антрепренерской дѣятельности, которая касается извлеченія доходовъ изъ театральнаго предпріятія. Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ жалобу Лебедева оставилъ безъ послѣдствій. (Указъ отъ 4 іюля 1911 г. за № 1759).

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 28 е іюля, по 2 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Мерзонъ сарат. о. с. 1523 ул.; Скорякова и др. екатер. о. с. 1484 ул.; Ерына астрах. о. с. 1489 и 2 ч. 1490 ул.; Кузнецова троицк. о. с. 170¹ уст.; Филя екатерин. о. с. 1629, 1633 и 977 ул.; Вителіева тамб. о. с. 2 ч. 1612 ул.; Липовскаго и Сороко витебск. о. с. 221 ул.; Лившицъ и Крутя ковел. о. с. 529 уг. ул.; Шафаревича и Лопатича виленск. о. с. 1489 ул.; Савицкаго моск. о. с. 1629 ул.; Литвиненко полт. о. с. 1523 ул.; Андреева моск. о. с. 1612 ул.; Хрѣнова каш. о. с. 1453 ул.; Міусенко (Мойсенко) луб. о. с. 1006 ул.; Петрусенца екатеринб. о. с. 1651 ул.; Мацнева тифл. с. п. 354 ул.; Дашковскаго екатериносл. о. с. 294 ул.; Михайловой и Митишина таганрог. о. с. 1451 и 1453 ул.; Магомеджапова таганр. о. с.; 1630 ул.; Васенина вятск. о. с.; 1455 ул.; Корновскаго варш. с. п. 951 ул.; Фагротъ оглы и Делвиара Мелла Османъ оглы тифл. с. п. 1454 ул.; Кожурина ставропол. о. с. 1653 ул.; Щербакова тамб. о. с. 1160 ул.; Мамонтова псковск. о. с. 1489 ул.; Зельмановича и Андрианова новгор. о. с. 1647 ул. и 172 уст.; Фролова пенз. о. с. 1455 ул.; Кышева екатеринодарск. о. с. 1483 ул.; Коптева ставропольск. о. с. 1654 ул.; Ланскаго ставроп. о. с. 1643 ул.; Буринскаго вил. о. с. 1654¹ ул.; Небескаго и Таубера варш. с. п. 102 уг. ул.; Ольшукова вологодск. о. с. 1163 ул.; Наваренко сумск. о. с. 1654 ул.; Мойкова и др. пенз. о. с. 1645 ул.; Терзи и Яцковскаго одес. с. п. 303 ул.; Шансвалова новочерк. с. п.; Марковца и др. мор. о. с. 1629 ул.; Куля вез.-вейс. м. с.; Зильбермаоовъ варш. гор. м. с.; Аймалетдинова и Саражетдинова сб. ст. м. с. 180 уст.; Трапкина сб. ст. м. с.; Конѣшкова нижегор. о. с. 1160 ул.; Михайлова нижегор. о. с. 931¹ ул.; Гуткина и Тремполяца хар. о. с. 1455 ул.; Старокопя екатериносл. о. с. 1654¹ ул.; Сигова каз. с. п. 354 ул.; Нарица и Тууля сб. с. п. 1692 ул.; Агіашвили тифл. с. п. 1666 ук.; Медниса сб. с. п. 100 уг. ул.; Квятковскаго и др. сб. с. п. 303 и 362 ул.; Бечиръ-оглы сб. с. п. 1643 ул.; Мазкова и др. сб. с. п. 1489 ул.; Сокулинскаго одес. с. п. 1484 ул.; Горшкова и др. сарат. с. п. 987¹ ул.; Матусевича и Шевченко ирк. с. п. 1452 ул.; Иванова ирк. с. п. 1489 ул.; Зейдмана и Ржепы варш. с. п. 1692 ул.; Некрасова каш. о. с. 1655 ул.; Курчавова каш. о. с. 1647 ул.; Ларионова пск. о. с. 1630 ул.; Гринчука и Жука уманск. о. с. 269 ул.; Шевчика и Харитонова минск. о. с. 1654 ул.; Дворникова и др. ставроп. о. с. 1641 ул.; Шевченко ставроп. о. с.;

1610 ул.; Панкина таганр. о. с. 1593 ул.; Фидрица и Лопушняка елисаветградск. о. с. 1489 ул.; Вологова костр. о. с. 1612 ул.; Чибышева нижегородск. о. с. 1534 ул.; Сгражкова тифл. с. п. 1455 ул.; Лушниковца троицк. о. с. 1652 тл.; Черни-оглы екатеринодарск. о. с. 576 ул.; Рыбалкина и Иванова саратовск. о. с. 556 и 567 ул.; Шевырева рост. на-Д. м. с.; Ольвицкаго суважск. 2 окр. м. с.; Татаренко виленск. о. с. 940 ул.; Бузевича и Лукьянова ставропольск. о. с. 1453 ул.; Слюзберга сб. ст. м. с.; Купчевской сб. с. п.; Новикова минск. о. с. 1654¹ ул.; Кукина екатериносл. о. с.; Фигурскаго варш. с. п.; Жуковъхъ сб. ст. м. с.; Селедцова кiev. о. с. 1489 ул.; Фрейдкова елецк. о. с. 1666 ул.; Бройде одес. о. с. 169 уст.; Вѣляева великолукк. о. с. 1489 ул.; Журкина ирк. с. п. 556 ул.; Ежовой владим. о. с. 1655 ул.; Соколова и Звѣрева таганр. о. с. 1642 ул.; Союна Мамедъ-Гасанъ-оглы тифл. с. п. 1455 ул.; Гонцова моск. с. п. 313 ул. и 445 уст. о ссыльн. по прод. 1906 г.; Дмитриева харьк. о. с. 1651 ул.; Колесникова и др. таганр. о. с. 1654² ул.; Сажина яросл. о. с. 1484 ул.; Романова и др. елецк. о. с. 931¹ ул.; Иванова новгор. о. с. 1655 ул.; Морозова одесск. о. с. 1630 ул.; Кирпенко полт. о. с. 1484 ул.; Муфтахиндита и Кагарманова уфимск. о. с. 1630 ул.; Васильченко екатериносл. о. с. 1631 ул.; Козловскаго вил. с. п.; Тесли екатериносл. о. с.; Эрлиха варш. с. п.; Жоравскаго вил. с. п.; Соломонова вил. с. п.; Оппермана харьк. с. п.; Фишмана вил. м. с.; Сломской вил. м. с.; Самойлова харьк. с. п.; Малова черниг. о. с.; Канивецкаго ирк. с. п.; Завалинскаго новоч. с. п.; Матикова тифл. с. п.; Караваева каз. с. п.; Шумовскаго ломж. 1 окр. м. с.; Гольдберга вил. с. п.; Киви юр.-верр. м. с.; Свидера петроковск. 2 окр. м. с.; Ламъ камен. м. с.; Головневой вил. гор. м. с.; Миронера варш. гор. м. с.; Шульца-Кувшинскаго новоч. с. п.; Минкевича витебск. о. с.; Кислякъ харьк. о. с. 1609 ул.; Хрушлова сб. ст. м. с. 169 ул.

Протесты: товар. прок.: сам. о. с. Варсобицина и др. 1647 ул.; екатеринод. о. с. Агапова и др. 1632 ул.; винниц. о. с. Козловскаго 169 уст.; мин. о. с. Лабоды 1484 ул.; костром. о. с. Ськолова 169 уст.; екатеринб. о. с. Торговичева 1654¹ ул.; витебск. о. с. Свирицескаго и др. 1449 ул.; варш. с. п.—мин. о. с. Омеляновича 1484 ул.; могил. о. с. Шаповалова и Шустова 1564 ул.; сб. о. с. Зорина 1647 ул.; елисаветградск. о. с. Бибикова 1655 ул.; троицк. о. с. Ермолаева 170 уст.; екатеринод. о. с. Враженко 1484 ул.; сб. о. с. Оноре.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Агарковъ, Яковъ Сергѣевъ, каз.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 494.	Первая дон. окр. опека.
Александровъ, Егоръ Игнатьевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. надъ имущ. по нетрезв. расточит. Р. VII, ст. 503.	Тульск. губ. пр.
Бодюковъ, Яковъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточителн. жизни. Р. VII, ст. 497.	Самарск. губ. пр.
Бодюковъ, Илья Яковлевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточителн. Р. VII, ст. 497.	Самарск. губ. пр.
Борисовъ, Василій Васильевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 498.	Самарск. губ. пр.
Воловальскій, Моисей-Шая Айзиковъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 802.	Одесск. о. с.
Грязновъ, Алексѣй Афонасьевъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 492.	Иваново - Вознесенск. гор. с. с.
Зазнобинъ, Андрей Александровъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ имущ. по расточителн. Р. VII, ст. 495.	Земск. нач. 5 уч. Перехтск. у.
Заворотновъ, Павелъ Ивановичъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 491.	Новозыбковск. гор. с. с.
Иферовъ, Дмитрій Ивановичъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ имущ. по расточителн. Р. VII, ст. 496.	Земск. нач. 5 уч. перехтск. у.
Катаржинъ, Иванъ Петровъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. управл. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 500.	Самарск. губ. пр.
Колокольцева, Елизавета, дв.	С. о. 25 іюля № 59. Опекунство надъ имущ. по умалишенію. Р. VII, ст. 501.	Спб. дв. опека.
Кощеевъ, Абрамъ Кондратьевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. управл. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 499.	Самарск. губ. пр.
Личковахъ, Владиміръ Михайловъ, штурм. 1 раз.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 801.	Одесск. о. с.
Личковахъ, Елизавета Васильева, ж. штур.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 801.	Одесск. о. с.
Михайлова, Александра Иванова, п. п. гр.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ личн. и имущ. по умолишен. Р. VII, ст. 488.	Спб. с. с.
Назаровъ, Степанъ Яковлевъ, мѣщ.	С. о. 25 іюля № 59. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 817.	Оренбургск. о. с.
Никитинъ, Петръ Лукьяновъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 490.	Тульск. губ. пр.
Пуствойтъ, Иванъ Федоровъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 487.	Зем. нач. 1 уч. пвратинск. у.
Прокудинъ, Владиміръ Афонасьевъ, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточителн. Р. VII, ст. 502.	Тульск. губ. пр.

П Р А В О.

Свирцовъ, Филиппъ Емельяновъ, кр.	С. о. 25 іюня № 59. Опека надъ имущ. по истр. и расточительн. Р. VII, ст. 504.	Тульск. губ. пр.
Сулинъ, Порфирій Федоровъ, урядн.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 493.	Первая Дон. окр. опека.
Шерманъ, Хиль-Хаимъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 804.	Радомск. о. с.
Шефъ, Израиль, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 805.	Радомск. о. с.
Шліомовичъ, Эрихъ Боруховъ, мѣщ.	С. о. 14 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 800.	Кишиневск. о. с.
Шмидтъ, Николай Эдуардовъ, с. куп.	С. о. 21 іюля № 58. Опека надъ личн. и имущ. по сумасшеств. Р. VII, ст. 489.	Спб. с. с.
Шталь, Ицекъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 803.	Радомск. о. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Дьяконова, Александра Иванова, д. куп.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1900 г. № 27, ст. 110), Р. VIII, ст. 299.	Хоперск. окружн. опека.
Ипполитовъ, Петръ Тихоновъ, мѣщ.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1907 г. № 86, ст. 1034), Р. VIII, ст. 303.	Спб. к. с.
Кулаковъ, Александръ Дмитріевъ, куп.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. дѣло о несост. (первонач. публ.—с. о. 1908 г. № 19, ст. 216), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 298.	Сарапульск. о. с.
Курочкинъ, Александръ Михайловъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1894 г. № 77, ст. 182), за смертью ея. Р. VIII, ст. 297.	Ярославск. с. с.
Ларионовъ, Николай Варламовъ, кр.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1908 г. № 38, ст. 463), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 296.	Казанск. о. с.
Степановъ, Дмитрій Степановъ, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. Прекращ. опека (учрежд. о. о. 1909 г. № 97) за смертью его. Р. VIII, ст. 300.	Влецк. гор. с. с.
Т-ва невскаго металлическаго завода.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1907 г. № 26), за оконч. конкурсомъ возлож. на него обяз. Р. VIII, ст. 305.	Спб. к. с.
Трифоновъ, Василій Трифополь, кр.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1906 г. № 97, ст. 116), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 301.	Спб. к. с.
Турьгинъ, Иванъ Филиповъ, куп.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1906 г. № 56, ст. 642), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 302.	Спб. к. с.
Ушановъ, Григорій Андреевъ, куп.	С. о. 25 іюля № 59. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1905 г. № 29, ст. 363), призн. неосторож. Р. VIII, ст. 304.	Спб. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Акуловымъ, Филипомъ Матвѣевымъ (зв. не ук.).	Винникову, Анатолю Гергиеву (зв. не ук.).	С. о. 25 іюля № 59. У екатеринадарск. нотар. Глоба-Михайленко, 5 іюля 1910 г. Р. IV, ст. 297.	Екатеринод. о. с.
Акуловымъ, Филипомъ Матвѣевымъ (зв. не ук.).	Винникову, Анатолю Гергиеву (зв. не ук.).	С. о. 25 іюля № 59. У екатеринадарск. нотар. Глоба-Михайленко, 5 іюля 1910 г. Р. IV, ст. 298.	Екатеринод. о. с.
Бабаниной, Маріей Андреевой, кр.	Пелипенко, Акимъ Петрову, кр.	С. о. 25 іюля № 59. У пятигорскаго нот. Чилаева, 14 августа 1910 г. Р. IV, ст. 300.	Ставропольск. о. с.
Басалія, Вурдгу, кр.	Басалія, Михаилу.	С. о. 21 іюля № 58. У Зугдидскаго нот. 23 октября 1910 г. № 1125. Р. IV, ст. 292.	Мир. судья зугдидск. стд.
Борзаковскимъ, Петромъ Ивановымъ, инж. техн.	Рабиновичу, Исааку Израилеву, мѣщ.	С. о. 25 іюля № 59. У читинск. нот. Радевича-Станевича, 15 мая 1910 г. Р. IV, ст. 296.	Иркутск. о. с.
Бржозовскимъ, Владиславомъ Ивановичемъ, дв.	Сардель - Сарделевичу, Антону Антонову, дв.	С. о. 25 іюля № 59. У смоленск. нотар. Шемерлинга, 22 апр. 1902 г. № 1033. Р. IV, ст. 294.	Смоленск. о. с.
Васадзе, Ефиміемъ Лазаревымъ.	Лазареву, Ивану Лазареву.	С. о. 21 іюля № 58. У батумскаго нотар. Павловича, 7 ноября 1906 г. № 3601. Р. IV, ст. 288.	Мир. судья батумск. отд.
Емельянцевымъ, Иваномъ Васильевымъ, куп.	Цвѣлинскому, Петру Евстафьеву, пр. пов.	С. о. 21 іюля № 58. У устькаменогорскаго нот. Будкевича, 11 ноября 1909 г. № 1898. Р. IV, ст. 293.	Семипалатинск. о. с.
Жукомъ, Арономъ Давидовымъ, куп.	Коварскому, Давиду Копелеву, куп.	С. о. 25 іюля № 59. У виленскаго нотар. Ильяшенко, 16 марта 1910 г. № 3890. Р. IV, ст. 295.	Виленск. о. с.
Мечикомъ, Мееромъ Юделевымъ, мѣщ.	Мечику, Давиду Юделеву, мѣщ.	С. о. 21 іюля № 58. У брестьлитовск. нот. Чубинскаго, 24 дек. 1907 г. № 2547. Р. IV, ст. 290.	Гродненск. о. с.
Нехорошевою, Дарією Алексеевою, мѣщ.	Юматову, Александру Васильеву, колл. сов.	С. о. 21 іюля № 58. У курскаго нот. Петряева, 2 марта 1901 г. № 770. Р. IV, ст. 291.	Курск. о. с.
Рамзиной, Еленой Кузьминой, кр.	Круглову, Константину Петрову, канц. сл.	С. о. 25 іюля № 59. 16 ноября 1910 г. Р. IV, ст. 299.	Самарск. о. с.
Соломонъ, Екатериной Михайловой, дв.	Филимонову, Евгению Владимирову, сыну ея.	С. о. 21 іюля № 58. Р. IV, ст. 289.	Повѣр. дв. Екатерины Михайловой—Леонтія Терентьевъ Лукьяновъ.
Тарасенко, Федоромъ Карповымъ, кр.	Тарасенко, Ивану Федотову, кр.	С. о. 25 іюля № 59. У пристава 1 уч. г. Новочеркасска, мар. мѣс. 1909 г. Р. IV, ст. 301.	Тарасенко, Ф. К. з. г. Сумахъ.